

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОДУ ІМ. П. МЕНШКОВА

24
599
0100

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

345.

422

24
24

ОПЫТЪ

ИЗЛОЖЕНІЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЛОВЕНЪ

ВЪ

ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЭПОХАХЪ

Виктора Григоровича.

ЧАСТЬ I.

24
599

1 и 2 эпохи.

КАЗАНЬ,

печатано въ университетской типографіи.

1843.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУМІЯ МЕЧНИКОВА

Keine grosse Völkergruppe, kein wichtiges Stadium der Geschichte ohne den zu Grunde liegenden Gedanken ist, das alle Uebergänge und Entwicklungen aus den vorhergehenden sich nachweisen lassen. Hegel.

Перепечатано изъ 3-й книжки Ученыхъ Записокъ за 1842 годъ.

24

599

K

ВВЕДЕНИЕ.

Родъ Словенскій также древенъ въ Европѣ, какъ и Германскій; жилища его занимали издревле обширное пространство на сѣверѣ и юго-востокѣ нашей части свѣта: но исторія Словенъ мало ознаменовалась всемірностію. Въ самой глубокой древности, рѣзко отличаясь духомъ свободы, возвышенностію религиозныхъ понятій и мирнымъ трудолюбіемъ, Словене не умѣли свою индивидуальную свободу подчинять общественной, не могли понимать свою независимость и самостоятельность въ единствѣ, поборающемъ зловредность чуждыхъ стихій. Отъ слишкомъ частаго опредѣленія свободы они впадали въ унижительное рабство, покорствовали различнымъ народамъ, Европейскимъ и Азіатскимъ, и въ этомъ рабствѣ теряли чистоту вѣрованій, смѣшивая ихъ съ вѣрованіями своихъ завоевателей, теряли бодрость, отличаю-

щую ихъ въ борьбѣ съ неблагодарной мѣстностію. Однимъ словомъ, Словене въ природномъ своемъ положеніи, при всѣхъ признакахъ, доказывающихъ призваніе ихъ къ дѣятельности всеобщей, человѣческой, дѣлались игралищемъ непрерывныхъ превратностей судьбы, лишены были возможности непрерывнаго развитія. Натурализмъ ихъ самъ по себѣ т. е. то непосредственное значеніе, которое они представляли въ родовыхъ своихъ признакахъ, не могъ ихъ поставить со временемъ въ уровень съ народами достопамятными въ исторіи послѣ паденія древняго міра. Онъ доказывалъ только необходимость начала историческаго, т. е. начала, по которому они непрерывно развиваясь, соединили бы свою жизнь съ жизнью древнихъ, слились струи ея съ жизнью новыхъ, чтобы въ послѣдствіи достойно представлять человѣчество. Условіе непрерывнаго развитія, связь съ древнимъ міромъ, необходимый союзъ съ новымъ, наконецъ залогъ высокаго значенія Словенъ въ будущемъ — лежалъ въ самой всеобщей, въ самой неисчерпаемой идеѣ Христіанства. Съ появленіемъ Христіанства у Словенъ сопряжено собственное ихъ появленіе въ исторіи въ болѣе индивидуальномъ значеніи; отъ различнаго опредѣленія Христіанства въ сознаніи Словенъ зависѣли всѣ явленія ихъ духовной жизни, опредѣлялись ихъ отношенія къ другимъ народамъ, рѣшалась даже ихъ судьба. Христіанисмъ для Словенъ въ ихъ мѣстности былъ истиннымъ очищеніемъ, внутреннимъ воспитаніемъ, школою, изъ которой они должны были выступить съ предопредѣленіемъ дѣйствовать во всемирной исторіи. Имъ они поставили себя въ необходимой

связи съ человѣчествомъ, конечнымъ результатомъ жизни котораго была необходимость всеобщаго, превышающаго всѣ природныя условія начала, и такимъ образомъ, получивъ призваніе продолжать вмѣстѣ съ прочими проникнутыми этимъ началомъ народами, развитіе сознанія человѣчества, Словене завоевали для исторіи новое поприще, на которомъ прозябала природность. Съ сознаниемъ Христіанисма начинается дѣятельность Словенъ въ нравственномъ мірѣ, ихъ участіе въ судьбахъ человѣчества, ихъ исторія по отношенію къ человѣчеству.— Но Христіанство, какъ идея, долженствовавшая проникнуть всю природную жизнь, была сперва только задачей, которую осуществить, рѣшить въ жизни, было назначеніемъ племенъ Германскихъ и Словенскихъ. Осуществленіе этой идеи было условлено особеннымъ характеромъ племенъ, опредѣляемыхъ мѣстностію и отношеніями, непосредственными и посредственными къ древнему міру. Въ этихъ условіяхъ лежитъ вся разница обоихъ племенъ, — одного, получившаго такую значительность участіемъ своимъ въ судьбахъ человѣчества, — другаго, достигающаго всемирнаго значенія, и въ нихъ-же таятся причины разнообразныхъ явленій, опредѣляющихъ постепенное развитіе ихъ народной жизни.— Занявъ обширныя страны, еще не воздѣланныя историческими народами, не получивъ въ непосредственное послѣдствіе достоянія древней цивилизаціи, Словене обречены были на сношенія или съ народами духовно неподвижными или такими, которыхъ предприимчивый духъ, въ стремленіи своемъ къ недовѣдомой цѣли развитія, положилъ конецъ древнему міру, и на гибели чуждыхъ ему племенъ строилъ зданіе

своей цивилизации. На этомъ поприщѣ и въ этихъ отноше-
ніяхъ, нужно было испытать всю превратность судебъ,
чтобъ сознать необходимое призваніе быть со временемъ на-
родомъ всемірнымъ.

Какимъ образомъ въ нравственномъ мірѣ сознание наро-
довъ Словенскихъ постепенно опредѣляло себя: какъ оно
достигало и достигаетъ въ своемъ развитіи всемірнаго зна-
ченія? — Эта задача, важность которой болѣе и болѣе ста-
новится оцутительной, заставляетъ усиленно доискиваться
связи между явлениями; необходимою послѣдовательною
которыхъ, среди игры рока и случайности, предопредѣлена
была взаимность Словенъ и дружное ихъ стремленіе къ ци-
визизации.

Рѣшеніе этой задачи составляетъ отчасти предметъ ли-
тературы Словенъ, которая, принявъ за основаніе всеобщую
идею, должна показать развитіе ея въ сознаніи народовъ,
и содержать въ себѣ явленія, истекающія изъ сознанія раз-
виваемой идеи.

Полагая, что все Словенскія племена можно рассматри-
вать какъ одно цѣлое, видѣть въ жизни ихъ различные
только фазы одного и того же типа, мы должны при изу-
ченіи ихъ литературы устремлять вниманіе на то, какими
помыслами двигалась въ данныхъ отношеніяхъ нравственная
жизнь цѣлаго, какимъ образомъ предопредѣлялась ихъ раз-
витіемъ общая участь Словенъ. Не приписывая роду нашему

важное и уже достигнутое значеніе въ человѣчествѣ, мы
одушевляемся мыслью, что онъ постоянно стремится къ
возвышенной своей цѣли. Выискавъ въ содержаніе литературы
обще-словенской, доискиваясь связи между разнообразными
явленіями въ Словенскомъ мірѣ, среди самаго явнаго про-
тиворѣчія, постепеннаго развитія жизни Словенъ, — пы-
таясь уразумѣть, находятся ли признаки взаимности словен-
ской на извѣстныхъ степеняхъ ихъ развитія, выражаютъ ли
они въ общемъ, въ совокупности всехъ видовъ цѣлаго рода,
одну мысль, можно, кажется, убѣдиться, что всякое предъ-
идущее явленіе въ нашей жизни предопредѣляло послѣдующее,
что ни одинъ изъ всехъ моментовъ нравственной дѣятель-
ности не потерявъ для настоящаго, что они были доказа-
тельствомъ общаго призванія Словенъ, для котораго работа-
ло и работаетъ каждое племя, и, слѣдственно, сама лите-
ратура Словенъ не есть сборъ фактовъ, списокъ разнообраз-
ныхъ предметовъ, а скрижалъ развивающагося въ необходи-
мой постепенности общаго сознанія, — откровеніе съ каж-
дымъ моментомъ болѣе и болѣе уясняющагося призванія
цѣлаго нашего рода.

На первый разъ представимъ здѣсь краткій обзоръ ли-
тературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ и подробно,
хотя и слабое изображеніе двухъ ея періодовъ, съ твер-
дою вѣрою, что *keine grosse Völkergruppe, kein wichtiges
Stadium der Geschichte ohne den zu Grunde liegenden Gedan-
ken ist, das alle Uebergänge und Entwicklungen aus den vor-
hergehenden sich nachweisen lassen. Hegel.*

Определение литературы вообще. Определение литературы Словенъ.
Основание раздѣленія ея на эпохи. Эпохи литературы Словенъ.

Литература какого либо народа есть проявленіе въ словѣ народнаго духа, который, при постепенномъ своемъ развитіи, извѣстными признаками опредѣляетъ степень сознанія идеи человечества. Эта литература представляетъ, какъ народъ, среди борьбы съ мѣстностію и другими отношеніями, подвергаясь различной судьбѣ, сознавалъ свое участіе въ общей массѣ человечества, какъ онъ своимъ движеніемъ въ области духовнаго міра обнаруживалъ нравственное существованіе, какъ онъ стремился къ выраженію своей индивидуальности, созерцалъ внѣшній и внутренній міръ и явленія его возводилъ къ идеалу. Идея человечества и участія въ ея развитіи, — вотъ мѣрило нравственной дѣятельности народа. Народъ безъ внутренняго движенія, не принимающій никакого участія въ общемъ развитіи, какъ жертва случая, исчезнетъ, неоставляя послѣ себя никакихъ слѣдовъ существованія. И напротивъ, народъ, дѣятельно оправдывающій свое нравственное назначеніе, во всѣхъ моментахъ своей жизни, въ религіозномъ вѣрованіи и примиреніи его съ явленіями внѣшняго міра, въ усиліяхъ достигнуть извѣстнаго совершенства, одушевить свою индивидуальность, — народъ такой если рѣшительно на поприщѣ человечества и не дѣйствовалъ, достоинъ однакожъ уваже-

нія, достоинъ того, чтобы объ немъ безпристрастный исследователь судебъ его сказалъ: онъ стремится къ приобритенію вѣса въ человечествѣ. Таковы Словене, которымъ нельзя отказать ни въ усиліяхъ развить свое родовое сознаніе по общечеловѣческимъ началамъ, ни въ стремленіи къ занятію мѣста между просвѣщенными народами. Ихъ борьба съ чуждыми стихіями всегда доказывала непреодолимое чувство индивидуальности, ихъ духовная дѣятельность отражалась въ народной литературѣ.

Литература Словенъ, какъ проявленіе духа во внѣшности, есть выраженіе ихъ сознанія, неизгладимое свидѣтельство важнѣйшихъ моментовъ нравственной ихъ жизни. Если сознаніе участія въ развитіи идеи человечества опредѣляетъ характеръ народа, то литература, какъ выраженіе сего характера, должна опредѣляться явленіями, доказывающими извѣстную степень такого сознанія. Идея человечества есть всемірная нравственная сила, безпрестанно обнаруживающаяся въ новыхъ признакахъ, развитіе которыхъ разрабатывалось тысячами поколѣній. Достигнувъ высочайшаго своего опредѣленія въ христіанствѣ, она проникаетъ цѣлые народы своею зиждущею силою, возводитъ ихъ на почетное поприще въ родѣ человѣческомъ, отличаетъ историческимъ всемірнымъ значеніемъ. Потому-то христіанскіе народы, во всѣхъ направленіяхъ своей нравственной дѣятельности, христіанствомъ приводятъ въ движеніе всѣ свои нравственныя силы. Они развиваются сознавая всеобъемлющее значеніе христіанства, постигая совмѣстность его съ

своей дѣйствительностію, сознавая противорѣчіе внѣшняго съ внутреннимъ, и уравнивая внѣшнее проявленіе съ внутреннимъ значеніемъ. Однѣ только степени сознанія этой всемірной идеи въ общемъ объемѣ всей дѣйствительности, различаютъ просвѣщеніе народовъ Европейскихъ. Только съ этой точки можно обозрѣвать литературу Словенъ въ совокупности. Только на такомъ основаніи оправдывается мнѣніе Мацѣевского о необходимости общей, по ходу развитія сознанія, словенской литературы. «Желая составить исторію словенскихъ литературъ, говоритъ ученый систематикъ словенскаго законодательства (Въ выноскѣ Maciejowski, Hist. Praw. Slow. t. III, dz. III, rozdz. 1. стр. 448) надобно ее обобщить, одними обозначить періодами, надобно представить ходъ ея въ такомъ видѣ, чтобы, всматриваясь въ него, можно было обозрѣть весь объемъ цѣлаго и въ общихъ и частныхъ чертахъ, не затрудняясь усмотрѣть, до какой степени просвѣщенія Словене достигали и къ чему должны стремиться».

Поставивъ началомъ *Христіанство*, какъ источникъ индивидуальнаго и народнаго просвѣщенія, какъ высочайшее опредѣленіе идеи человечества, и раскрывая его значеніе по внутреннимъ и внѣшнимъ отношеніямъ, я осмѣливаюсь предложить слѣдующій планъ литературы Словенъ. Онъ основывается на томъ разсужденіи, что, говоря о ходѣ развитія вообще, необходимо останавливать вниманіе на общей идеѣ, двигавшей и движущей родъ человеческій. По ея развитію мы можемъ объяснить себѣ мѣста и значеніе въ родѣ

человѣческомъ какой либо знаменитой его вѣтви, уразумѣмъ призваніе ея въ цѣломъ человечествѣ. Литература Словенъ, принятая въ такомъ смыслѣ, покажетъ, какъ изъ противоположностей, данныхъ мѣстностію и отношеніями, родовое призваніе Словенъ переходило изъ отдѣльности въ общность, и какъ достигало сознанія своего назначенія. Она есть символизмъ развитія духа, заключаетъ въ себѣ всѣ главные моменты, въ которыхъ обнаруживалось сіе развитіе. Она носитъ въ себѣ признаки началъ, противорѣчіемъ которыхъ проявлено значеніе извѣстной степени сего развитія. Въ ней видны всѣ данныя, изъ которыхъ сознаніе цѣлаго рода постепенно переходило въ самосознаніе. Ея эпохи опредѣляются степенями развитія сего сознанія, проникнутаго главною и необходимою идеей, которую оно различнымъ образомъ постигая, выражало въ постепенномъ обобщеніи, уравнивало ея внѣшность съ содержаніемъ, такимъ образомъ входило въ противорѣчія, борьбою которыхъ означался періодъ всякой эпохи. Среди этихъ противорѣчій виды могли потерять свою самостоятельность, но родъ спасенъ. Озаренные общемою идеей Словене, направляемые мѣстностію и отношеніями, раздробляли ее, такъ сказать, на отдѣльные понятія, впадали въ противорѣчія, чтобы опять уничтожить эти отдѣльные понятія въ болѣе обширныя, содержаніе которыхъ въ совокупности теряется въ идеѣ. Этою общемою и необходимою идеей, съ первою зарею которой начинается Словенская письменность, былъ *Христіанисмъ*, поставившій Словенскія племена въ ряду племенъ, трудящихся для человечества, связавшій ихъ жизнь съ жизнью древнихъ и но-

выхъ цивилизованныхъ народовъ, Христіанисмъ, котораго торжество надъ природностію (натурализмомъ) племенъ обнаружилось въ покореніи и примиреніи всѣхъ ея формъ духу его, а необходимая связь съ судьбами народовъ доказываетъ историческое начало глубоко зароненное въ его сущности, которымъ Словене спасены для человѣчества.

Эта идея является сперва въ непосредственной противоположности съ побораемымъ ею натурализмомъ, котораго формы мало по малу ей подчиняются, въ отдѣленіи исповѣдующихъ ее отъ внѣшнихъ началъ, въ нейтрализованіи разнородныхъ стихій и обнаруживается наконецъ необходимостію выразить ее въ словѣ и имъ соединить противоположности видовыя. Этимъ охарактеризована первая эпоха, обнимающая IX, X и даже половину XI столѣтія. Въ продолженіе сего времени Словене постепенно принимали Христіанство, обнаружили его въ Словенскомъ богослуженіи, которымъ, рѣшительно теперь можно сказать, они, кромѣ Словенъ Полябскихъ, были соединены и представляли по отношенію къ сознанію Христіанисма нѣчто цѣлое.

Но вліяніе Германцевъ, а съ ними и католицизма, окончательный разрывъ котораго съ Восточною церковью послѣдовалъ въ половинѣ XI столѣтія, преодолѣло наконецъ западныхъ Словенъ. Съ сего времени Словене разобщаются въ отношеніи своего вѣрованія. Харваты одноплеменники Сербовъ, Хорутане (Виндо-Словене) Чешское племя, т. е. Чехи, Моравы и Словаки и, наконецъ, Поляки преклонились на

сторону католицизма, подверглись менѣе или болѣе вліянію Германцевъ, поглотившихъ, за исключеніемъ Лужичанъ, Полябскихъ Словенъ, поставили себя въ совершенную противоположность Словенамъ православнаго исповѣданія. Сербы, Булгары и Русскіе Словене удержали прежнюю свою самостоятельность въ сферѣ христіанства. Такимъ образомъ, изъ общности своей и непосредственной противоположности съ натурализмомъ, христіанство, обнаружившееся въ Словенскомъ богослуженіи, переходитъ въ противоположность двухъ сферъ богослуженія, по отношеніямъ къ Византіи и къ Риму, къ Грекамъ и Германцамъ. Просвѣщеніе развивалось теперь въ этнографическихъ, если можно такъ выразиться, — противоположностяхъ. Словене западные принуждены были принять формы, чуждыя имъ въ политическомъ и религиозномъ отношеніяхъ, и въ нихъ сознать свое просвѣщеніе. Чехи первые среди всѣхъ препятствій, дѣйствовавшихъ на нихъ извнѣ и внутри сознають потребность родной письменности. Съ половины XIII столѣтія — возникаетъ или, лучше, возраждается литература Чешская. За ними слѣдуютъ Поляки и Хорваты. — Раздвинувъ тѣсный кругъ своей дѣятельности слабо, но примѣтно, подвизаются они на попривъ своей родной литературы въ сферѣ католицизма. — Одни Хорутане (Виндо-Словене) и Лужичане безмолвствуютъ; ихъ политическое уничтоженіе отняло у нихъ всякую возможность развивать и скудную даже письменность. Совсѣмъ противоположны Словене восточнаго исповѣданія. Не смотря на бѣдствія, претерпѣваемыя отъ владычества Грековъ, подъ которымъ Сербы и Булгары оставались до половины XII

столѣтія, не смотря на междоусобія и поработеніе Татарамъ, обезсилившія Русь, письменность трехъ племенъ не прекращается, хотя примѣтно теряетъ цвѣтъ свой съ концемъ XIII и въ XIV столѣтіи. Развиваясь подъ преимущественнымъ вліяніемъ церковно-словенскаго языка, она подкрѣпляла себя мыслью объ устраниніи отъ себя стихій, противныхъ духу православія. Такое развитіе литературы въ сферахъ противныхъ себѣ продолжалось до конца XIV столѣтія. Легко себѣ представить характеръ и направленіе письменныхъ памятниковъ этой эпохи. Они непосредственно указываютъ на религіозность, сознаваемую въ данныхъ противоположностяхъ. — У Сербовъ, Русскихъ и Булгаръ распространена литература богослужебная. Святители цытались въ собственныхъ поученіяхъ, словахъ и посланіяхъ уяснить истинны христіанства — съ цѣлію удовлетворить непосредственной религіозной потребности, возбуждаемой поминутно трудными обстоятельствами времени. Исторія не выше дѣтописи, но ея памятники, писанные на понятномъ народномъ языкѣ, многочисленнѣе — памятниковъ исторіи западныхъ Словенъ. Поэзія едва пробудившись отъ непосредственнаго натурализма обрядовыхъ пѣсней выражаетъ у Русскихъ Словенъ въ звучномъ словѣ ихъ высокое призваніе, поборать на поганы — и опять погружается въ натурализмъ, или уступаетъ свои права церковному пѣснопѣвию. Вся литература Словенъ восточныхъ этой эпохи свидѣтельствуетъ, какъ среди непреоборимыхъ этнографическихъ отношеній, Словене усиливались спасти свою индивидуальность, охраняя ее письменностію чисто религіозною. Общій языкъ литературы Сло-

венъ восточнаго исповѣданія былъ церковно-Словенскій. Но уже съ XI столѣтія обнаруживаются слѣды развитыхъ народныхъ языковъ. Языки Сербскій, сѣверо-Русскій и южно-Русскій существовали въ XI и имѣли значительное вліяніе на церковно-Словенскій. Западные Словене подъ вліяніемъ Германисма и Латыни робко добиваются своей письменности. Проза ихъ въ этой эпохѣ почти ничтожна. Кромѣ псалтырей и молитвенниковъ — едва ли что нибудь значительное писалось прозою у Чеховъ и Поляковъ. За то стихами писаны кромѣ стихотвореній съ истинно поэтическимъ содержаніемъ и легенды и поученія, даже исторія. Памятники не поддѣльной поэзіи находимъ мы у Чеховъ, у которыхъ вообще письменность гораздо обильнѣе, чѣмъ у Поляковъ въ этой эпохѣ. Языки этихъ западныхъ Словенъ въ этой эпохѣ богаты формами, потерянными въ послѣдующихъ. Вообще мотивомъ къ литературной дѣятельности этой эпохи была потребность сознать христіанисмъ въ двухъ его сферахъ среди вреднаго вліянія чужеплеменниковъ и выразить его подъ условіемъ этого вліянія.

Эта дѣятельность выходитъ изъ чистоэтнографическихъ отношеній и переходитъ въ XV, XVI и нач. XVII столѣтіяхъ въ болѣе обширный кругъ, въ которомъ Словене сознали свою индивидуальность, а нѣкоторыя племена достигли высокаго развитія своей литературы. Словене католическіе въ эпохѣ, обнимающей слишкомъ два съ четвертью столѣтія, двигались идеями сильно потрясавшими ихъ нравственный бытъ, глубоко отпечатлѣвшимися въ ихъ дѣятельности, рав-

но политической какъ и литературной, и рѣшительно дѣйствовавшими на судьбу ихъ. Гусситизмъ, реформація, гуманизмъ (humanitas, этимъ словомъ опредѣляли тогда древность, образование по древнимъ) — такъ можно вообще назвать тѣ признаки, которыми опредѣлилась въ этой эпохѣ вся ихъ литературная дѣятельность. Вызванные гусситизмомъ и реформаціей къ внѣшней и внутренней борьбѣ, въ гуманизмѣ неистощимые источники своего умственного обогащенія, одни изъ нихъ, именно Чехи и Поляки, отрѣшились себя отъ стѣснявшихъ ихъ оковъ чужеземнаго вліянія, дали литературѣ возможно-разнообразное направленіе; другіе какъ Хорвато-Далматы явили удивительную дѣятельность, преимущественно въ области поэзіи, наконецъ Хорутане (Виндо-Словене) и Лужичане послѣ вѣковаго усыпленія возрождены для самобытнаго сознанія религіозныхъ истинъ. Противорѣчіе Гусса написму повело Чеховъ къ самымъ возвышеннымъ усиліямъ, утвердить свою самобытность, если не въ политическомъ, то по крайней мѣрѣ литературномъ мірѣ. Съ самаго начала XV столѣтія до 1620 года, Чехи среди препятствій, поставляемыхъ имъ католицизмомъ и императорами Габсбургскаго дома, безпрестанно увеличиваютъ кругъ своей литературной дѣятельности. Начавъ съ религіозныхъ споровъ, возвышаемыхъ противниками католицизму, Гусситами разныхъ направленій и усиливъ ихъ принятіемъ реформаціи Лютера, Чехи дали языку своему преимущество предъ Латинскимъ и Нѣмецкимъ, облагородили его часто повторявшимися переводами библіи и возвысили до высокой степени гибкости и силы, усвоивъ себѣ произве-

денія древнихъ и новыхъ моралистовъ. Исторія Чеховъ, обращенная преимущественно на церковныя дѣла, была предметомъ трудовъ слишкомъ двадцати ученыхъ. Она обнимала не только общія или частныя происшествія; относящаяся къ Чехіи, но включала въ кругъ свой дѣянія древняго и новаго міровъ. Поэзія слѣдовала духу времени. Она была то чисто духовная, то сатирическая, рѣдко однакожъ не поддѣльная. Драма едва указываетъ два-три оригинальныхъ произведенія и нѣсколько переводовъ. Переводы поэтическихъ произведеній ограничивались только сказками и романами. — Поляки, подвинутые гусситизмомъ и реформаціей достигли, изученіемъ классической, болѣе разнообразной литературы, нежели Чехи. Утвердительно можно сказать, что реформа Гусса и реформа XVI столѣтія были главнѣйшими пружинами ихъ литературной дѣятельности. Гуманизмъ самъ по себѣ, чаруя прелестью классиковъ, отнималъ всегда у Польской литературы дѣятелей, заставляя пытаться подражать древнимъ, на древнихъ языкахъ. Замѣчательно, что первые памятники литературы XV и XVI столѣтій въ духѣ оппозиціи написму. Эти усилія расширить, уяснить кругъ религіознаго вѣрованія пробудили любовь къ Польскому языку. Сперва словесными спорами, потомъ переводами Библіи для разныхъ вѣроисповѣданій, наконецъ, и то уже съ 1586 года, переводами классическихъ произведеній, языкъ Польскій сдѣлался достояніемъ литературы народной. Въ эпоху споровъ исторія отнята была у Латыни. Она подобно Чешской обнимала и всемірныя дѣянія и внутреннія происшествія, современные и прошедшія, меньше

направлялась однакожь на церковныя дѣла. Поэзія преимущественно подражательна. Она образуется по образцамъ классическимъ и достигаетъ высокой изящности и удивительной гибкости въ выраженіи. Драма не доходила до высокой оригинальности, ограничивалась мистеріями и двумя — тремя переводами. Реформа проникла и Хорвато-Далматовъ, Хорутанъ (Виндо-Словенъ) и Лужичанъ (Вендовъ). Она была виновницей первыхъ усилій въ переводѣ библіи на языкъ этихъ Словенъ и возбудила въ нихъ ревность къ родному языку, облакавшему священныя истины. Но сверхъ религіозныхъ мотивовъ, гуманизмъ пробудилъ дѣятельность литературную у собственныхъ Хорватовъ и у Далматовъ. У этихъ послѣднихъ, преимущественно въ Рагузѣ, процвѣла поэзія, даже драматическая, явленіе чрезвычайно необыкновенное въ Словенскихъ литературахъ сей эпохи. — У восточныхъ Словенъ, мы конечно не замѣчаемъ возвышенной дѣятельности и того разнообразія, въ которыхъ проявилась литература западныхъ тѣмъ болѣе, что общественный ихъ, самостоятельный бытъ у однихъ уничтоженъ, у другихъ сталъ теперь только получать прочныя формы. Но въ скудной литературной дѣятельности, раскрытой этими Словенами, видны значительныя побужденія, не выходящія изъ чисто матеріальныхъ отношеній, раскрыты въ ихъ сознаніи признаки, гораздо не вещественнѣе, чѣмъ въ предъидущей эпохѣ. Угнетенные бѣдствіемъ новаго рабства Сербы и Булгары находились въ непрерывной связи съ Русскими, сообщали имъ свои умственные запасы, посылно участвовали въ общемъ дѣлѣ православія въ борьбѣ съ католицизмомъ

раздѣляли съ нимъ одни потребности, взаимно содѣйствуя въ нравственномъ развитіи. Усилія паписма дѣйствовавшего посредствомъ Литовскихъ князей на Русь, посредствомъ Венгерскихъ королей на Сербовъ — побудили духовныхъ дѣйствовать болѣе убѣдительнымъ образомъ на умъ посредствомъ усвоенія себѣ сокровищъ Греческихъ отцовъ церкви. Когда съ ослабленіемъ Греціи, лишившейся вмѣстѣ съ политическимъ и своей религіозной самостоятельности, Флорентійскій соборъ рѣшалъ, но нерѣшилъ побѣду католицизма: защита православія повела Словенъ къ трудамъ, существеннымъ въ области литературы. Афонскіе монахи, давшіе, какъ извѣстно, столь рѣшительный отпоръ этому собору, обогатили литературу Словенъ множествомъ сочиненій и переводовъ. Отсель усилія паписма, безпрестанно возобновляемая находили не безгласное отчужденіе, какъ было прежде, но толковыя и краснорѣчивыя возраженія. Послѣдній, тщетный конечно, успѣхъ его въ сферѣ православія, унія вызвала наконецъ рядъ писателей, трудами своими положившихъ непреступную грань между двумя сферами взаимно себя исключавшими въ частномъ своемъ опредѣленіи. Съ притязаніями католицизма появились и спутницы его ереси, подрывавшія основу его и овладѣвавшія умами Русскихъ, тайно, но успѣшно распространяясь на западъ и въ самомъ сердцѣ Россіи, Москвѣ. Несправедливо названные *жидовствующими*, нововводители были преимущественно рациональнаго направленія. Появившись въ половинѣ XV столѣтія, они грозили преобразовать ученіе христіанское, не сообразно съ потребностями мѣстности. Противъ рациона-

лизма этих ересей, возстали мужи, которых произведения образуют, без сомнѣнія, примѣчательнѣйшій памятникъ литературы сей эпохи. Споры, возникшіе по случаю ихъ, возбудили духъ изслѣдованія относительно истинъ христіанскаго вѣроученія, были виною первыхъ значительныхъ опытовъ нашихъ отечественныхъ богослововъ въ наукѣ полемики - догматическаго богословія. Но они еще слишкомъ были слабы, чтобы распространить достаточное уразумѣніе христіанства въ его идеѣ, предохранить отъ заблужденій невѣжества. Ревнуя къ православію, большею частію сами поборники его не отличали формъ отъ смысла, безсознательно чтили святость не въ духѣ, но во внѣшнемъ. Просвѣщенныя усилія рѣдкихъ въ сей эпохѣ мужей не оцѣнивались достойно; навлекали гоненія (Максимъ Грекъ). Вотъ по какимъ новымъ побужденіямъ двигалась литературная дѣятельность восточныхъ Словенъ и преимущественно Русскихъ въ эпохѣ отъ начала XV до конца первой четверти XVII столѣтія. Бытописание распространено многочисленными переработками прежнихъ лѣтописей и многими оригинальными произведениями. Изъ этихъ послѣднихъ, нѣкоторыя носятъ уже индивидуальный характеръ. Слишкомъ витиеватый слогъ, какъ многихъ вставочныхъ мѣстъ лѣтописей, такъ и оригинальныхъ произведеній, былъ вѣроятно порожденіемъ полемическаго духа эпохи. Поэзія общественная не развилась. За то живая пѣснь народа болѣе чѣмъ у западныхъ Словенъ выражаетъ отношенія и судьбы племенъ въ сферѣ православія. Сѣверные и Южные Русскіе, Сербы въ бытовыхъ и былевыхъ пѣсняхъ своихъ выразили много

признаковъ, объясняющихъ характеръ эпохи. — Такимъ образомъ разобшенные религіознымъ направленіемъ, испытавъ самыя разнообразныя судьбы на поприщѣ политическомъ, Словене, въ продолженіи слишкомъ двухъ — XV, XVI и начала XVII вѣковъ, представляютъ нравственно своею дѣятельностію обширную драму борьбы, въ которой сознание важнѣйшихъ религіозныхъ вопросовъ было едвали не существеннымъ мотивомъ. Въ этой эпохѣ рѣшился на почвѣ Словенской давно вызывающій къ состязанію споръ католицизма съ православіемъ, признана необходимость всеобщности религіозныхъ истинъ, сдѣланъ первый значительный шагъ въ самобытныхъ усиліяхъ опредѣлить народность каждаго племени существеннымъ признакомъ нравственнаго развитія и увеличена дѣятельность литературная сообразно съ данною возможностью, на всѣхъ точкахъ Словенщинъ.

Если задача предъидущей эпохи у западныхъ и даже у восточныхъ Словенъ была разширить сферу сознанія, преодолѣть зависимость отъ внѣшнихъ преградъ и достигнуть самостоятельности по крайней мѣрѣ въ религіозномъ отношеніи; то значеніе слѣдующей эпохи, отъ начала XVII до половины XVIII столѣтія какъ слѣдствія предъидущей — можно вообще опредѣлить стремленіемъ сосредоточить это сознаніе въ единствѣ отвлеченнаго понятія. Это стремленіе у восточныхъ Словенъ началось абстрактивными опредѣленіями православія и отношенія его къ дѣйствительной жизни, сухими спорами за нарушеніе его въ толкованіи догматовъ. На самой высшей степени этихъ противорѣчій, принимав-

шихъ религіозно - политическій видъ, Петръ Великій созналъ необходимость просвѣщенія Россіи не только въ матеріальномъ, но и въ духовномъ отношеніи. Весь смыслъ духовнаго просвѣщенія состоялъ въ указаніи, что искомое единство лежало не въ формѣ, но въ идеѣ, съ которой дѣйствительная жизнь должна примириться. Эта высокая мысль находилась еще до половины XVIII столѣтія въ недосыгаемой дали отъ всеобщаго сознанія. Сблизить ее съ нимъ, внушить ее ему было призваніемъ достойныхъ примирителей идей Петровыхъ съ народнымъ сознаніемъ, проповѣдниковъ южно-Русскихъ. Въ спорахъ съ католицизмомъ ознакомленные съ Іезуитскою ученостію Польши, ученые этой эпохи отразили господствовавшій тогда характеръ въ исторіи и стихотворствѣ. Единство у западныхъ Словенъ было достигнуто на пути политическомъ. Іезуиты получили призваніе сблизить слишкомъ противорѣчащія направленія предвѣдущей эпохи. Чего не разрушили войны, то сожгли, переименовали и исказили они у Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ, Далматовъ, Хорутанъ (Виндо - Словенъ). Но не уничтожилась возможность новой жизни, ожидавшей болѣе обширнаго опредѣленія просвѣщенія въ сферѣ христіанства. Эти Словене, если теряли памятники своей прошедшей дѣятельности, если вводимы были въ лабиринтъ превратныхъ понятій о просвѣщеніи и литературѣ, не лишились чувства необходимости своей собственной письменности. Всѣ они слабо, но по относительной возможности продолжаютъ ее до половины XVIII столѣтія.

Надобно было Словенамъ испытать всѣ послѣдствія ихъ

ограниченной сферы; погрузившей ихъ въ совершенное умственное оцѣпеніе, лишившей западныхъ Словенъ ихъ богатаго достоянія, удалившей Русскихъ отъ сообщенія съ западомъ, чтобы сознать необходимость обширнѣйшаго круга просвѣщенія, почувствовать всю ничтожность частныхъ одностороннихъ направленій въ ихъ притязаніи на всеобщность, — чтобы изъ противорѣчій ими порожденных обратиться къ Европеизму. Европа съ XVII столѣтія уже страхнула съ себя вериги авторитета, вѣротерпимостію признала истину всеобщаго, поставлявшаго независимость частнаго начала, показала необходимость нравственной свободы въ цивилизаціи народовъ и уваженіе обще - человѣческаго (филантропизмъ XVIII стол.) не приносимаго въ жертву ограниченными понятіямъ о религіи или односторонней народности. Какъ выраженіе этихъ понятій, Европейская литература преобразовала ихъ примиреніемъ классическаго духа древнихъ съ духомъ новыхъ народовъ, развитымъ подъ условіемъ обширнѣйшихъ религіозныхъ и общественныхъ понятій. Покоряясь классицизму, литература новыхъ народовъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ была важнымъ переходомъ къ сознанію и самобытности древняго міра и независимости новаго и наконецъ преобразовала необходимую связь древней цивилизаціи съ новой. Раздвинутый кругъ просвѣщенія, неподдаваемого религіознымъ авторитетомъ, возвышенныя хотя и абстрактныя понятія объ общественности открыли Европу взорамъ Словенъ не въ ея ограничивающихъ сознаніе признакахъ, но въ общихъ обнимающихъ все человѣчество опредѣленіяхъ. Толерантисмъ, освободивъ подавленныхъ Іезуи-

тисму Словенъ отъ неслыханныхъ гоненій на ихъ народность, открылъ просторъ ихъ дѣятельности; подвинулись Чехи, Хорваты, Далматы, Хорутане, Сербы (въ Венгрии) и Поляки; онъ облегчилъ Русскимъ сближеніе ихъ съ Европою. Эпоха возрожденія литературы Словенъ была вмѣстѣ эпохою высокаго просвѣщенія Европы. Съ чувствомъ, преисполненнымъ благодарности и удивленія повторяютъ Словене имена великихъ мужей, въ сознаніи которыхъ отразилась вся общность Европейска, трудами, скажу болѣе, дивными подвигами которыхъ, уяснена народамъ великая мысль, уготовленная ихъ развитіемъ — мысль національной литературы. Не одни Русскіе гордятся своимъ Ломоносовымъ, нѣтъ, и у Чеховъ возникъ свой Крамеріусъ, этотъ по словамъ его благородныхъ соотечественникомъ *sospitator et vindex linguae et literaturae Bohemae*, и у Поляковъ Станиславъ Конарскій, выдвинувъ себя силою глубокаго убѣжденія изъ узъ самаго превратнаго образованія, открылъ, по словамъ Красицкаго, стезю, поросшую вѣковымъ невѣжествомъ, къ просвѣщенію, дерзнулъ быть просвѣщеннымъ (*sapere ausus*), и къ Сербамъ заговорилъ незабвенный Доспоей Обрадовичъ на ихъ народномъ языкѣ *пора открыть очи ума!* преодолѣвъ свои и современниковъ предрасудки, взывалъ примѣромъ Петра Великаго *избавить себя отъ тиранства, глупости и варварства*, ихъ единоплеменники Далматы и Хорваты — подвинулись примѣромъ Максима Верховца и Катапчица и наконецъ, чтобы не упоминать о Лужичанахъ, племени совершенно безпомощномъ, и (Хорутанамъ) съ Япелемъ и Курмердіемъ возсіяла заря ихъ народности. Литература Словенъ

съ половины XVIII столѣтія, отражая въ себѣ примиреніе всеобщей идеи съ дѣйствительностію — такъ я позволю себѣ назвать Европейска — должна была пройти сквозь всѣ его моменты, чтобы выразить необходимую связь Словенскихъ народовъ съ Европейскими и, посредствомъ ихъ, съ древнимъ міромъ. Въ произведеніяхъ своихъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ, Словене въ данной каждому племени возможности, доказали, какъ условія обще-человѣческаго просвѣщенія обратились въ условія ихъ народности, но и вмѣстѣ сознали необходимость извлечь изъ своей собственной индивидуальности обще-человѣческія начала. Языки народные, образуясь еще по чужимъ образцамъ, получили высокое свое развитіе; очищенные отъ чуждыхъ имъ стихій, они стали облекать самое разнообразное содержаніе, извлекаемое изъ условій обще-человѣческаго развитія. Поэзія еще безъ содержанія, болѣе абстрактивная, разнообразилась во всѣхъ возможныхъ формахъ. Проза явила образцы чистаго и правильнаго слога въ краснорѣчій и у нѣкоторыхъ племенъ — въ исторіи. — Съ Карамзинымъ и Державинымъ у Русскихъ, съ Нарушевичемъ и Вороничемъ у Поляковъ, съ А. Юнгманомъ и Неидлями у Чеховъ, съ Равникаромъ и Водникомъ у Хорутанъ, съ Давидовичемъ и Мушицкимъ у Сербовъ, съ Томой Миклугличемъ, Титомъ Брезовачскимъ и Корогичемъ у Хорватовъ, съ Михаличемъ и Антониномъ Надъ — онъ у Далматовъ подражательная литература Словенъ, каждая въ своемъ кругѣ, описываемомъ данной общественностію и внѣшними обстоятельствами, достигла высшей степени своей кульминаціи.

Стремясь выразить обще-человѣческое въ литературѣ, Словене увеличили любовь къ своей народности. Съ романтизмомъ обратившимъ вниманіе Европейскихъ народовъ на ихъ внутреннюю жизнь, возбудившимъ въ нихъ потребность самобытныхъ литературъ, родилось и у Словенъ стремленіе добыть изъ своей жизни, прошедшей и современной, въ высшемъ или низшемъ общественномъ кругу самородныя стихіи своей литературы. Чувство народности, проникая болѣе и болѣе Словенъ, обращало ихъ во всю глубь ихъ жизни и заставляло искать обширнѣйшихъ опредѣленій ея въ Словенскомъ просвѣщеніи, озаряемомъ уже сознанною не въ противорѣчащихъ себѣ опредѣленіяхъ, но въ полномъ ея содержаніи — идеѣ христіанисма. Этимъ началась эпоха намъ современная. Въ ней Словене обратились къ народности, ограниченной кругомъ, даннымъ каждому племени и кажется болѣе и болѣе достигаютъ сознанія общаго всесловенскаго типа и неуничтожимой ни какими политическими и религіозными противорѣчіями, умственной взаимности. Поэзія, въ которой ярче отражается направленіе литературы, уже ознаменовалась великими явленіями, указывающими на грядущее значеніе Словенъ. Пушкинъ у Русскихъ, Мицкевичъ у Поляковъ, Милутиновичъ у Сербовъ, Казначичъ у Далматовъ, Людевитъ-Гай у Хорватовъ, Воцель и Калларъ у Чеховъ, наконецъ Прешерцъ у Хорутанъ сіяютъ яркими свѣтилами Словенской народности — предтечи Словенской взаимности. Слѣдуя за явленіями въ литературѣ Словенъ, выражавшей постепенное развитіе ихъ сознанія, въ слабомъ моемъ очеркѣ я обозначилъ главнѣйшія эпохи ея, начиная

отъ первой зари христіанскаго просвѣщенія до сознанія идеи въ цѣлостномъ ея опредѣленіи, до примиренія ея съ дѣйствительностію, до первыхъ моментовъ народности Словенской литературы.

Эти эпохи можно хронологически обозначить слѣдующими фактами:

1 эпоха отъ IX столѣтія т. е. отъ введенія христіанства и распространенія Словенскаго богослуженія до конца X столѣтія и даже до половины XI, когда Словене раздѣлились на Словенъ западнаго и Словенъ восточнаго исповѣданія.

2 эпоха отъ половины XI столѣтія, до начала XV т. е. до появленія Гусса у западныхъ Словенъ и первыхъ споровъ католицизма съ православіемъ, выраженнымъ въ литературѣ.

3 отъ начала XV столѣтія до 1620 года у западныхъ Словенъ т. е. до возобладанія Іезуитисма и 1634 года т. е. до основанія академіи Кіевской, съ которой началась у восточныхъ Словенъ ученость схоластическая, имѣвшая вліяніе не только на Русскихъ, но и на Сербовъ.

4 эпоха съ 1634 года до половины XVIII столѣтія, т. е. до появленія Ломоносова, Коварскаго, Япеля, Крамеріуса, Обрадовича и прочихъ.

5 отъ появленія великихъ двигателей Словенскаго слова до появленія романтизма.

6 эпоха намъ современная.

—
 Главныя сочиненія, служившія руководствомъ при изложеніи 1-й и 2-й эпохъ литературы Словенъ:

1. Dobrowsky, Slavin, Botschaft aus Böhmen an alle Slavische Völker, herausgegeben v. W. Hanka, 1834, Prag.
 Geschichte der Böhmischn Sprache und Litt. два изд. 1792 и 1818 г.
2. P. I. Safarik, Slowanske Starozitnosi, u Praze, 1837.
 Sorbische Lesekörner etc., Pesth, 1833.
 Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslawen, Wiener Jahrb. d. Litt. T. 53.
3. Macieiowski, Pamietniki o dziejach, pismiennictwie i prawodawstwie Slowian, T. I и II, Warsz. 1839 г.
 Historia prawodawstw Slowianskich, T. I и II, Warsz. 1832.

4. Kopitar, Glagolita Clozianus, Vindobonae, 1836.
5. Ian Kollar, Wyklad ku Slawy Dáre, Pest, 1832.
6. Franz. Palacky, Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber, Prag, 1830.
7. Z. Golembiowski, O dziejopisach polskich, ich wadach i zaletach, Warsz. 1826.
8. M. Wiszniewski, Historia literatury polskiej T. I и II, Krakow, 1840.
9. П. Строевъ, Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной литер. до начала XVIII стол. въ журн. мин. проsv. 1834, февраль.
10. Калайдовичъ, Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, Москва, 1824.
11. Максимовичъ, Історія древней русской словесности, Кіевъ, 1840 г.

І ЭПОХА.

Отъ IX до X и даже до половины XI стол. Переходъ отъ натурализма къ христіанству. — Племена Словенскія. Словенское богослуженіе, письменна Словенскія. Переводъ священнаго Писанія. Памятники литературы. Исторія и поэзія этой эпохи.

Исторія встрѣчаетъ Словенъ въ то время, когда въ Европѣ все вниманіе ея поглощали два народа. Проникнутые вѣчною идеей и ведомые единствомъ ея къ политической цѣлости, Германцы и бѣдственное Византійское царство, жившее воспоминаніемъ Римскаго всемірнаго владычества, были главными дѣйствующими, для коихъ всѣ прочіе народы казались только орудіями предопредѣленнаго ихъ значенія въ будущемъ. Въ то время все житіе-бытіе, всѣ нравственныя движенія прочихъ народовъ ускользали отъ взоровъ лѣтописцевъ, занятыхъ гаданіемъ судьбы младенца—народа и дряхлаго исполина. И Словене, отброшенные на востокъ, покрытые киммерійскимъ мракомъ, запятнанные названіемъ Скивовъ и Гуновъ, обречены были, казалось, служить дополненіемъ исторіи двухъ націй, призванныхъ быть спутниками двухъ свѣтилъ, въ огнѣ которыхъ, какъ бы предопредѣлено было исчезнуть скудной индивидуальности враждебныхъ племенъ. Но въ этомъ родѣ таилась сила, возниканіе которой покажутъ будущіе вѣки; въ немъ лежала своя самоцвѣтная особность, которую не могли унич-

тожить столѣтія бѣдствій и неблагодарная мѣстность; въ немъ скрывался зародышъ новыхъ явленій, знаменующихъ все человѣчество. Могли дѣйствительно исчезнуть его виды, какъ исчезли безъ слѣдовъ многія Германскія племена, но этими жертвами приготовлена была судьба цѣлаго, какъ отъ слитія Германскихъ племенъ съ Романскими объяснилось значеніе рода Германскаго.

Тѣсныя предѣлы настоящаго сочиненія не позволяютъ намъ войти въ подробное изслѣдованіе вопросовъ: что были Словене подъ исключительнымъ преобладаніемъ язычества? какими признаками знаменовался бытіе ихъ въ то время, когда они еще мало были отличаемы отъ постороннихъ народовъ? Историческая критика, безъ сомнѣнія, разкроетъ намъ существенное значеніе нашего рода въ вѣки перваго возниканія Европейскихъ народовъ. Ей предоставлено сдѣлать заключеніе о степени и успѣхахъ просвѣщенія въ до-христіанскія времена. Но литература, какъ свидѣтельство высшаго развитія Словенъ, должна только показать непосредственныя причины первыхъ ея явленій. Потому полагаю необходимымъ обратиться прямо къ главному предмету этой части моего опыта — къ переходу язычества въ христіанство, съ которымъ начинается письменность, и указать на двѣ противоположности, которыя условливаютъ проявленіе нравственной дѣятельности Словенъ.

Въ отдаленной древности, прежде всего являются передъ нами отдѣльныя племена, со всѣми климатическими и поч-

венными особенностями, со все́мъ ихъ вліяніемъ на народы и начало ихъ новой жизни. Словене и христіанство, — вотъ данное, задача и вмѣстѣ противоположности, въ примиреніи которыхъ лежитъ вся сила, вся возможность будущаго ихъ развитія и будущихъ судебъ.

Сперва укажемъ на племена Словенскія, обращая вниманіе на введеніе христіанства у всякаго порознь и на судьбы ихъ, — чтобы впослѣдствіи отвѣчать на два важные вопроса: какое было отношеніе христіанства къ ихъ натурализму, и въ какомъ духѣ оно было у нихъ вводимо? Объяснивъ вкратцѣ эти задачи, — перейдемъ къ разсмотрѣнію литературныхъ явленій до половины XI столѣтія.

Все́ племена Словенскія могутъ быть отнесены къ семи главнымъ, именно: къ Хорутанамъ; Булгарамъ; Сербамъ и Хорватамъ; Моравамъ, Чехамъ и Словакамъ; Вендамъ; Полякамъ и Русскимъ.

1) *Хорутане* (Виндо-Словене) поселились, вѣроятно, въ концѣ VI столѣтія въ странѣ, гдѣ сходились границы древняго Норика, Панноніи, Либурнии, Истріи и Карнии: они сперва зависѣли отъ Аваровъ и въ семь положеній распространились до предѣловъ нынѣшняго Тироля, такъ что западными ихъ границами были горы отъ источниковъ Дравы къ р. Зальцахъ, отсюда та же рѣка и рѣка Иннь до Дуная, сѣверными же Дунай отъ Пассова до Вѣны (*Saf. Slov. Staroz. Cl. VI. § 35. стр. 688. 689*). — Въ началѣ VII столѣтія Хорутане принадлежали къ союзу Сама (627—662), при содѣйствіи

котораго освободились отъ ига Аварскаго (*ibid 694*). Съ тѣхъ поръ они вступаютъ въ борьбу съ Лонгобардами и Баварцами и, наконецъ, съ Франками. Уже въ 768 году Хорутане сдѣлались предметомъ политики Карла В. *ibid 694*. Марки довершили намѣреніе императора. Вся страна ихъ была раздѣлена на три части восточную (Ostmark), нынѣшнее Австрійское эрцгерц.; герцогство, хорутанское (Каринтія) и Словенское пограничье, гдѣ нынѣ Крайна (Крайнь) часть Каринтіи и часть Истріи. Въ началѣ X столѣтія, Угры овладѣли большею частью этой страны. — Христіанство у Виндо-Словенъ, по мнѣнію Мацѣвскаго, было издревле введено по греческому обряду и впослѣдствіи уже мало по малу превратилось въ католицизмъ. Мацѣвскій *Pamientn. o dziejach, pism. i prawod, Slowian T. I. st. 75*. На распространеніе христіанства имѣли вліяніе Аквилейскіе патріархи, колебавшіеся между Римомъ и Константинополемъ, и еще въ 1077 году названные папою Григоріемъ VII *schismatici, Maciei. ibid T. I st. 196* и Зальцбургскіе архіепископы, рѣшившіе перевѣсъ католицизма.

2) *Булгарскіе Словене* собственно суть племена, восторжествовавшія съ принятіемъ христіанства надъ Уральскими побѣдителями, Булгарами. Словене эти жили сперва на сѣверѣ отъ Дуная (вѣроятно еще въ первой половинѣ VI стол.) въ нынѣшней Молдавіи, Валахії и южной Венгрії. Въ царствованіе Юстиніана они стали переходить въ Мэзію, въ 551, были остановлены въ этихъ переходахъ Аварами (съ 651), съ которыми вели тяжкую борьбу и не смотря на то уже въ 657 и 678 они назывались осѣдлыми на югѣ отъ Дуная (въ Мэзії) *Saf. Sl. Star. Okr. II. Cl. III. str. 563, 568, 569*. Изъ Мэзії мало по малу распространились они въ Дарданіи, Македоніи и даже Греціи. *Ibid. стр. 552 и*

597. Съ 678 г. Словене эти подпали владычеству Булгаровъ *ibid. стр. 573*, отъ коихъ получили названіе. Съ тѣхъ поръ Булгары (т. е. побѣдители и побѣжденные) ведутъ безпрестанныя войны съ Греками. Крумъ въ 802 г. царствовалъ за Дунаемъ далеко внутри Венгрии. Борисъ въ 861 крещенъ. — Христіанство у Словенъ этихъ было искони, но съ половины IX стол. дѣлается господствующимъ, *ibid 588*. Имъ неутрализована противоположность двухъ разнородныхъ племенъ. Сынъ Бориса, царь Симеонъ (892—929) ревнисто трудился надъ просвѣщеніемъ и распространіемъ письменности, *ibid 592*. Паденіе Булгарскаго царства началось съ половины X стол., во время походовъ Святослава Русскаго, имѣвшаго немаловажное въ ономъ участіе, довершено Василиемъ императоромъ, рѣшившимъ въ 1015 г. зависимость его отъ Византіи на I² стол., до 1156. Самымъ важнымъ явленіемъ сего періода было распространіе богомилсма (секты гностической), приготовившаго въ послѣдствіи умы къ магометанству. См. *Petri Siculi de Manichaeis adv. Catharasp. 271 y Flathe Gesch. der Vorläufer der Reform. t. I. p. 217 и 352*. Съ 1186 по 1396 г. Булгарія, подкрѣпляемая Волохами, пользовалась независимостью, преимущественно подъ управленіемъ Азанидовъ. Азаниды боролись съ крестоносцами, призвали на мгновеніе власть папы, усилили этимъ религіозныя секты и возвратились опять къ православію. Владычество Турковъ подавило всю самобытность Булгаріи. Скучная литературная дѣятельность прозябала только на сѣверѣ ея, въ Валахія и Молдавіи.

3) *Сербы и Хорваты* (Кроаты). Поселеніе ихъ на югѣ отъ Дуная случилось вслѣдствіе нападенія Аваровъ на Греческую имперію. Императоръ Ираклій вызвалъ въ 640 Хорватовъ и Сербовъ, однихъ изъ Бѣлохробатіи, другихъ изъ Бѣлосербіи или Бои-

ки для защиты отъ Аваровъ. Оба племени послѣ нѣсколькихъ переходовъ поселились подъ предводительствомъ жупановъ въ странахъ отъ Дрины до Адриатическаго моря и оттуда уже распространились дальше. Сербы сперва зависѣли отъ Греческаго императора; по смерти Ираклія сдѣлались свободными. Въ X стол. Сербія, кромѣ Діоклеи, подпала владычеству Булгаріи и вмѣстѣ съ Булгаріей, съ которой вела безпрестанныя войны, подпала въ началѣ XI стол. Византійской имперіи. *Saf. Slov. Star. Okr. II. Cl. IV. § 31, стр. 634*. Хорваты поселились въ Далматіи 634 г. Часть ихъ отдѣлилась отъ нихъ и заняла страны по рѣкѣ Кульпѣ, близъ Сиссека, такъ что образовались двѣ Хорватіи, Хорв. далматская и Посавская. Вскорѣ послѣ поселенія своего Хорваты свергнули иго зависимости отъ Грековъ. Въ IX столѣтіи они перешли подъ власть Франковъ, но въ 825—830 подъ предводительствомъ Порина возвратили свободу. *Saf. Slov. Star. Okr. II. Cl. II. § 35 стр. 665, 666, 669, 675*. Сербы и Хорваты приняли христіанство въ 640 г., впоследствии оставили его, (а по мнѣнію Мацѣвскаго они не оставляли христіанства, но только отпали отъ Греческой имперіи (*Maciejow. Pamientn. str. 66*) и снова приняли вѣру Христову, первые въ 867, вторые около того же времени (830). Сербы и Хорваты, занимая все пространство Константиновой имперіи отъ предѣловъ Булгаріи (Тимока) до Адриатическаго моря, отъ Македоніи и Эпира, въ глубь которыхъ они проникли до Дуная и Кульны, представляютъ въ продолжительномъ періодѣ отъ X до конца XIV стол. самый разнообразный характеръ. Въ отношеніи религіозномъ, вся древняя (Далматская) Хорватія съ поморскими городами и вся Посавская Хорватія сдѣлались католическими, вся же нынѣшняя Сербія, часть Босніи и, впоследствии переселившіеся на сѣверѣ отъ Дуная, Сербы - пра-

вославы. Въ политическомъ отношеніи Сербь съ концомъ X стол. подпавшіе вмѣстѣ съ Булгарами подъ власть Грековъ, долго боролись за свою независимость и, наконецъ, въ половинѣ XI стол. съ появленіемъ Нешаничей возвратили ее совершенно. Въ этомъ положеніи Сербія представляла союзъ многихъ областей, изъ коихъ Раоція, самая южная, была средоточіемъ власти Нешаничей. Одна изъ этихъ областей, Боснія, еще въ XII столѣтіи была предметомъ притязаній Венгерцевъ и властолюбія собственныхъ воеводъ, обратившихъ ее впоследствии въ эфемерное королевство, подъ именемъ Рашы. Хорваты жили въ Далматіи по рѣкамъ Кульпѣ и Савѣ и въ городахъ поморскихъ. Далматія съ приморскими городами до конца XIV стол. была предметомъ властолюбія Венгерцевъ и Византійцевъ. Посавская Хорватія сдѣлавшись добычею Венгерцевъ, отнявшихъ ее у Византіи, является впоследствии въ исторіи раздѣленною на два королевства, Кротіи [нынѣ округи Kreuz, Varasdin, Загребъ (Agram)] — и Славоніи (нынѣ Сирмія Пошега и Вироче). Сербія, подъ независимыми царями дома Нешаничей, расширяла свои предѣлы далеко въ край вышеописанные и наконецъ въ концѣ XIV и началѣ XV стол., подпала вмѣстѣ съ частию Далматской Хорватіи владычеству Турковъ. Послѣ церковнаго разрыва письменность кириловская сдѣлалась удѣломъ собственно Сербіи, глаголитская, нѣкогда въ большемъ употребленіи Иллирійскихъ Словенъ, была болѣе и болѣе ограничиваема и наконецъ осталась не болѣе какъ за сѣней приходоу Далматіи и Истріи. *Podjernus glagolitarum status ex amplissimo, restrictissimus, ex communi utriusque ecclesiae nunc proprium catholicorum latinorum, ipsorumque olim longe plurimum quam sint hodie. Copitar. Glagol. Clozi. VI.* Послѣ продолжительнаго гоненія и на сей остатокъ Словенскаго богослуженія папа Иннокентій IV въ

1245 г. разрѣшилъ литургію по глаголитскимъ книгамъ. *Dobrov. Institutiones linguae Slavicae pag. VI.* И въ Босніи, какъ въ Булгаріи распространился богумилизмъ. Гоненія, которымъ подверглась эта ересь, были поводомъ отпаденія части Босняковъ къ исламу. *Cf. Innocentii epistola III, 3, apud Berquigny, Rehm. Gesch. d. Mittelalt. 2 Thl., 2 Abth., стр. 563—571.* Соединяю эти два племени, потому — что между нынѣшнимъ языкомъ въ Далматіи, гдѣ прежде была Хорватія, и Сербскимъ почти нѣтъ никакого различія. Нынѣшній же Кротскій языкъ въ округахъ Загребскомъ (Agram), Варадинскомъ и Крижскомъ (Kreuz), есть собственно языкъ перехода (Uebergangssprache) отъ Сербскаго въ Хорутанскій (Виндо-Слов.). Нынѣ возникающая литература Хорватская можетъ быть, по моему мнѣнію, отнесена также къ Сербской.

4) *Моравы, Словаки и Чехи.* Въ половинѣ V стол. (451—495) Чехи поселились въ землѣ Маркомановъ (Vojheim); въ одно время съ ними Моравы и Словаки распространились изъ Татранской (Карпатской) Бѣлохорватіи на югозападъ до Дуная. *Saf. Slov. Star. Okr. II. Cl. IX § 41 стр. 797.* Въ началѣ VII стол. три племени эти были въ союзѣ противъ Франковъ и Аваровъ, главою котораго былъ Само (627—662). *Моравы и Словаки:* въ началѣ IX стол. (803), Моравскіе князья признали власть Карла В., вслѣдствіе чего Моравы распространились далеко на западъ въ Аварскихъ владѣніяхъ, лишенныхъ во время войнъ съ Карломъ В. съ Аварами народонаселенія. Въ началѣ IX стол. первые слѣды христіанства, распространеннаго усиленіями князя ихъ Моймира. Послѣ паденія Моймира Ростиславъ свергнулъ съ себя иго Франкское 855 и положилъ основаніе Велико-Моравскому государству. Во время Ростислава введено Словенское богослуже-

ніе. Въ 870 Ростиславъ, по наущенію Святополка, его племянника, схваченъ Нѣмцами и казненъ, вскорѣ однакожь тотъ же Святополкъ довершилъ освобожденіе Моравовъ (872). Святополкъ господствовалъ начиная выше Кракова и Магдебурга Полябскаго до горы Матры и Дуная, *ibid.* 804. Великая Моравія пала подъ ударами Маджаровъ, вызванныхъ Арнульфомъ (888) противъ Святополка. Смерть сего государя (894) и раздоры его сыновей способствовали сему паденію. Части сего государства перешли во власть Маджаровъ, Нѣмцовъ, Поляковъ и Чеховъ. — У Чеховъ въ VII стол. (695) господствовалъ Пршемьинъ. Съ IX стол. Чехи вступили въ борьбу съ Франкской монархіей и состояли въ союзѣ съ Моравскимъ государствомъ, основаннымъ Ростиславомъ возвеличеннымъ Святополкомъ. По вліянію сихъ владѣтелей христіанисмъ въ Чехіи, первые слѣды котораго уже видны 845 г. получилъ перевѣсъ. Борживой владыка Чешскій, крещенъ св. Меводіемъ 871 г. Послѣ паденія Велико-Моравскаго государства, сыновья Борживоя Спитигневъ и Вратиславъ добровольно предали себя подъ покровительство Нѣмецкой имперіи (895). Въ X стол. Вячеславъ обязался платить дань императору, и этимъ положено начало зависимости Чехіи отъ Германской имперіи. — Чехи въ ленной зависимости отъ императоровъ усилились въ царствованіе Болеслава II (967—999) и Бржетислава I (1025—1055) на счетъ падшаго Моравскаго государства и Польши. Подобно Ярославу Русскому Бржетиславъ издалъ *правду Чешскую* (*justitia Bohemorum*) и, подобно ему, раздѣлилъ княжество на удѣлы, опредѣливъ старшинство въ родѣ (*Familienseniorat*). Съ сего времени продолжались междоусобія удѣльных князей до 1228, когда съ царствованія Пршемьсла Оттонаря I. (1230) Чехія возведена была на степень королевства. Родъ Пршемьслидовъ пресѣкъся

съ Пршемьслидомъ Оттокаремъ II, павшимъ въ сраженіи съ Рудольфомъ Габсбургскимъ (1278) и его внукомъ, убитымъ въ 1306. Послѣ непродолжительныхъ распрей, въ Чехіи воцарился домъ Люксембургскій съ Іоанномъ I. Сынъ его Карлъ IV, императоръ Германскій, поставилъ Чехію на высокой степени значенія въ Европѣ. — Соединяю Чеховъ, Моравовъ и Словаковъ въ отношеніи языка. Объ единствѣ Моравскаго и Чешскаго нарѣчій нѣтъ спора. Словацкое нарѣчіе нѣкоторые ученые отдѣляли отъ первыхъ двухъ и Шафарикъ сказалъ даже: *prauda sice gest, ze rec Slowakuw od reic Morawanuw patrne se ruzni a zwlastnj nareci zaklada.* *Saf. Slow star. Okr. II, Cl. IX § 41, стр. 794.* — Замѣчая однакожь, какъ нынѣшніе литераторы Чешскіе стараются слить Словацкій съ Чешскимъ языкомъ, принимаю мнѣніе Добровскаго объ единствѣ ихъ: *nimmt man auf die geringen Verschiedenheiten keine Rücksicht, so flieszt das alte Böhmische mit dem Slovakischem zu einer Mundart.* *Lehrgeb. der Böhm. Sprache, 1819, Prag, стр. V.*

5) *Вендскія* племена относятся къ тремъ главнымъ: *Лютикамъ* или *Велетамъ* на сѣверѣ между Одеромъ, моремъ и Эльбою; къ *Бодричамъ* (Оботричамъ) на западъ отъ Лютиковъ, въ нынѣшнихъ Меклембургѣ и Гольштиніи; къ *Сербамъ*, въ нынѣшнихъ Лужицахъ и Саксоніи, примыкавшимъ съ запада къ Салѣ. *Saf. Slov. star. Okr. II, Cl. IX. стр. 833.* Ихъ исторія имѣетъ три главныя отдѣла: 1) Карловингскій, начавшійся борьбою Карла V. въ союзѣ съ Бодричами и Сербами противъ Лютиковъ, и кончившійся, съ ослабленіемъ династіи Карловингской, усиленіемъ Полябскихъ Словенъ, увеличеннымъ еще содѣйствіемъ Угровъ. Въ этомъ отдѣлѣ усилія Германцевъ ввести къ нимъ христіанство еще тщетны. Тогда однакожь основано Гамбургское

архиепископство и получают свое начало Марки на югѣ и западѣ Полябскихъ Словенъ, которые вскорѣ оказываются вѣрными своему назначенію. II отдѣлъ Саксонскій до Генриха II. Борьба Германцевъ съ Полябскими Словенами приняла религиозное значеніе. Возстанія Словенъ преимущественно имѣли поводомъ насильное введеніе христіанства. Генрихъ I. и Оттоны основали болѣе 6 марокъ и епископства въ Старградѣ, Гавельбергѣ, Браниборѣ, архіепископства въ Магдебургѣ, Мезиборскѣ, Жичѣ (Naumburg) и въ Миснѣ (Meissen). III Отдѣлъ. Съ царствованія Генриха II до половины XII стол. страны эти сдѣлались позорищемъ междоусобій князей туземныхъ, принявшихъ, по вліянію Германцевъ, христіанство и защищавшихъ язычество. Эти распри открыли свободный путь интригамъ марграфовъ, Датскихъ и Нѣмецкихъ владѣтелей. Бодричей сразилъ совершенно Гейнрихъ Левъ въ 1160. Словене Лютики пали подъ ударами мощнаго Альберта Медвѣдя 1136—1137. Отдѣльные племена были покоряемы и истребляемы марграфами Мисенскими. Одни Словене Лужицкіе (въ Lausitz'ѣ), потомки древнихъ народовъ Сербовъ и Мильчаковъ (Saf. Slov. star. Okr. II. Cl. IX. § 44. стр. 911 — находясь то въ союзѣ, то во власти Чеховъ и Поляковъ въ X и XI стол. приняли посредствомъ ихъ христіанство и сохранили такимъ образомъ языкъ и скудную особенность свою до сихъ поръ. — Среди раздоровъ и войнъ отдѣльные народы развили свою политическую жизнь до значительной степени совершенства. Особенно Лютики или Велеты, отъ V по XI столѣтіе, знамениты были своимъ гражданскимъ бытомъ. Ихъ поморскіе города процвѣтали промышленностію, торговлею, слѣдствіемъ чего было, изобиліе, богатство; въ ихъ храмахъ сохранялись сокровища общественныя и частныхъ лицъ, которыя своей значительностію возбуждали удивленіе. Богослуженіе и об-

щественный порядокъ соблюдались у нихъ съ большимъ тщаніемъ и въ большемъ совершенствѣ, чѣмъ у другихъ Словенъ. Это доказываетъ чрезвычайную, судя по времени, степень гражданского развитія, которой достигли Велеты, подвергнувшіеся впрочемъ осужденію Нѣмецкихъ историковъ, за то, что защищали свободу свою и народность съ такимъ непреклоннымъ мужествомъ до послѣдняго издыханія. Saf. Slov. star. Okr. II. Cl. II. § 4. стр. 887. — Изъ Лютиковъ преимущественно ознаменовали себя въ исторіи Словенъ Раны (Ругійцы), Волинцы (въ Волинѣ т. е. Винетѣ или Юлинѣ), Ратары (Редаріи). — Изъ Сербовъ Кильчане. Доказательство вышесказаннаго можно найти въ Hist. Eccles. с. XII. Адама Бременскаго срв. Dobrov. Gesch. der böhm. Sprache w. Lit. Prag. 1792. стр. 66. Осмѣлюсь прибавить, что у Лютиковъ первыхъ, кажется, возникла мысль союза городовъ (Hansajuzъ, узъ) см. Lützw Gesch. v. Mecklenb. стр. 134. Но понятіе гражданского порядка подъ условіемъ непосредственной религіи не спасло эти народы. Частность цѣли въ ихъ союзѣ была слишкомъ часто нарушаема себялюбивымъ чувствомъ независимости и завистью чужеземцовъ, присвоившихъ себѣ, возбуждая эгоизмъ индивидуальной противъ всеобщей пользы, все состояніе народовъ Полябскихъ. Весь перевѣсъ Нѣмцовъ состоялъ въ чувствѣ единства, внушеннаго имъ христіанствомъ.

6) *Поляки, Ляхи*, вѣроятно, одного племени съ Полябскими Словенами, до половины IX стол. раздроблялись на мелкіе народы подъ независимыми князьями. Земовитъ, сынъ Пяста, изъ племени Поляновъ, первый соединилъ враждебные народы. Правнукъ его Мечиславъ (931—992), господствовавшій въ великой Польшѣ, присоединилъ къ ней часть великой Моравіи т. е. малую Польшу съ Кра-

ковомъ. Тотъ же Мечиславъ распространилъ христіанство. Побѣжденный магграфомъ Геро въ 693, вошелъ онъ въ ленную зависимость отъ Нѣмецкихъ императоровъ не со всѣмъ однакожъ княжествомъ, но съ частію его на западъ отъ рѣки Варты. Болеславъ храбрый или Великій (992—1025) знаменитъ своими побѣдами и принятіемъ королевскаго достоинства (1000—1025). Христіанство въ Польшѣ, судя по отношеніямъ ея къ великой Моравіи, къ которой малая Польша и Силезія принадлежали, вѣроятно, введено еще въ IV стол. Мечиславъ креститъ Чешскимъ духовнымъ Боговидомъ. Чешскій миссіонеръ Войтехъ (Адалбертъ) (995—996) и его братъ, равно какъ и вообще Чехи принимали главное участіе въ распространеніи христіанства. Словенское богослуженіе замѣчается въ Польшѣ еще въ XI стол. см. P. Piasecki, Chronica, Cracov. 1645 f. p. 41. Saf. Slov. star. Okr. II. Cl. VII, §. 37 стр. 738. Возвеличенная Болеславомъ великимъ, Польша подпала послѣ смерти Мечислава II. внутреннимъ междоусобіямъ (по поводу католицизма)? уничтоженнымъ Казимиромъ Рестовраторомъ. Со смертію внука его Болеслава III (1139) Польша сдѣлалась жертвой раздоровъ удѣльныхъ князей, воевавшихъ другъ противъ друга за право старшинства. Единодержавіе, подобно какъ на Руси, перешло къ младшей линіи въ лицѣ Владислава Локетка. Съ 1300 удѣлы постепенно входятъ въ союзъ Польскаго королевства, кромѣ Силезіи, отпавшей на всегда отъ Польши. Казимиръ V. и Ядвига, 1399, были послѣдніе изъ рода Пястовъ.

7) *Русскіе Словене*. Безчисленные народы сего племени жили въ обширѣйшихъ предѣлахъ, начиная съ береговъ Ладожскаго озера, верховьевъ Волги, по Окѣ, Дону, до Сосны, отсюда по Донцу и Орлѣ до Днѣпра и по равнинамъ Днѣпровскимъ къ

устью Буга, отсюда берегомъ Чернаго моря до устья Дуная, дальше по Серету на сѣверозападъ по направленію Татръ (Карпатскихъ)? и Донца, достигая верховьевъ Вислы и Буга, по Венру до впаденія Нурка и наконецъ на востокъ мимо Ятвяговъ и Литвы до Двины, мимо Чуди до Ильмена и Ладоги. Saf. Slov. star. Okr. II. Cl. I. § 27, стр. 485. Отъ подчиненности Уральскимъ насильникамъ однихъ племенъ и внутреннихъ раздоровъ другихъ, всѣ Словене Русскіе перешли во власть Варяжскихъ князей въ IX и X стол. (862, 883 и 964). Еще въ IX стол. возникаетъ у нихъ христіанство *ibid.* стр. 506, распространенное въ X (988) св. Владиміромъ. И здѣсь какъ у Булгарскихъ Словенъ христіанство нейтрализовало противоположности двухъ племенъ, Варяговъ и Словенъ. Съ половины IX стол., Русскіе Словене сдѣлались жертвою удѣльной системы, въ 1227 г. подверглись владычеству Монголовъ. Съ сего времени Русь раздѣлилась на восточную и западную. Часть западной Руси, Галиція перешла въ XIII столѣтіи къ Польшѣ, остальная часть присоединена къ Литвѣ и вмѣстѣ съ ней вошла въ концѣ XIV столѣтія въ составъ Польскаго королевства. Сѣверная Русь, сосредоточившись сперва во Владиміръ на Клязмѣ, превратилась мало по малу въ самобытное и независимое Московское государство.

Племена эти, мало замѣчаемая исторіей, рѣзко отличались отъ прочихъ поселенцевъ восточной Европы. Среди кочевыхъ народовъ, они любили мирную осѣдность, на почвѣ и въ климатѣ, гдѣ доселѣ цѣпенѣла нравственная дѣятельность челоуѣка. они были трудолюбивы, знали промышленность и торговлю, подъ влияніемъ сѣвернаго многобожія и безнадежныхъ вѣрованій востока, они постигали

единого, окружали его силами, но неравносильными божествами.

Saf. Slov. Star. Okr. I. Cl. V. стр. 435. Колларъ Wyklad ku Slawy Deere, изд. 1832, стр. 89, 90, 219, 272. Ученые большею частью согласны нынѣ въ томъ, что мифология Словенская основана на единобожии. Это мнѣніе основано на свидѣльствѣ Проконія Strit. Memor. popul. T. II стр. 28 § 17 ч. 10. Slavini unum Deum, fulguris effectorem, dominum hujus universi solum agnoscunt eique boves et cujusque generis hostias immolant, praeterea fluvios colunt et nymphas et alia quaedam numina. И Гельмольда Chron. Slav. LI. стр. 53. Maciejo. Pamient. do dz. i t. d. стр. 103. Лелевель примѣч. къ ист. Ваги изд. 1824. стр. 67 и 73. Изслѣдованія о вліяніи чужой мифологии на Словенскую приводятъ къ тому результату, что многія божества, почитаемыя Словенскими, собственно суть или арійскія, у Русскихъ Словенъ (Хорсъ-Корешъ, Симъ - Asima, Регль - *Еоуе* λ. кн. царст. IV. 17, 30, Мокошъ-Астартя? см. донесеніе Прейса въ Жур. мин. проsv. 1841, февр. стр. 37, 39, 40, 42) или Литовскія, Чудскія и и Скандинавскія, какъ у Вендовъ Saf. Slov. Star. Okr. II. Cl. IV. стр. 992. Мнѣнія о дуализмѣ мифологии Словенской, принято Вишневскимъ въ его Histor. lit. polskiej T. I. 272. срв. Шафарика, изображеніе Черногобога перев. Прейса въ Журн. мин. проsvѣщ. май, стр. 18. Grimm, Deutsche Mythologie, 1835, г. стр. 549, прим. 2 der Slauische Glaube stellt einen weissen und schwarzen Gott auf, dieser dualismus scheint mir aber weder durchdringend noch ursprünglich.

На такой степени природнаго развитія нѣтъ сомнѣнія, что христіанство могло имѣть легкій доступъ къ сердцамъ

народовъ, гостеприимныхъ для чужихъ вѣроисповѣданій, ожидавшихъ только призванія, чтобы примириться со всеобщей идеей, и исторія представляетъ намъ множество примѣровъ добровольнаго принятія христіанства племенами Словенскими.

См. Maciejow. Pamientn. do dziej. pism. i praw. Slow. T. I, стр. 61. Odkad Chrzescianstwo ludom objawione bylo, juz i przodkowie nasi byli jego zwolennikami. О христ. у Булгарск. Слов. *ibid.* 62, у Сербовъ и Хорватовъ *ibid.* 67, у Хорутанъ *ibid.* 73 и 75, у велико-Моравовъ, Чеховъ и мало-Поляновъ и вообще въ Польшѣ *ibid.* стр. 148, 150, 165, 171. О политическихъ видахъ Герман. импер. подъ предлогомъ христіанства *ibid.* 58 и 59.

Объясненіе сего явленія лежитъ въ самомъ природномъ характерѣ Словенъ, достигшихъ убѣжденія въ необходимости высшаго начала, носившихъ возможность уничтоженіемъ конечнаго поставить себѣ задачей всеобщую идею. Непосредственныя сношенія съ Греціей усилили сію необходимость, и мы можемъ утверждать, послѣ изслѣдованій новѣйшихъ ученыхъ, что христіанство само собою т. е. безъ насильнаго внесенія, зародившись у Словенъ, обхватило бы всѣ племена, если бы явленіе, давшее новое направленіе европейской исторіи, не остановило Словенъ въ ихъ сознаниіи всеобщей идеи, еслибъ Франкскій императоръ не преподсалъ своего оружія въ защиту Римской церкви. Съ тѣхъ поръ какъ католицизмъ сталъ притязать на всемірное господство, видимъ мы сильное противорѣчіе Словенъ христіанству въ

духъ Римскаго папы. Съ этихъ поръ настала борьба, слѣдствіемъ которой было уничтоженіе многихъ племенъ, опасавшихся вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, признать власть защитниковъ его. Такимъ только образомъ натурализмъ Словенъ, бывъ проводникомъ христіанства, отталкивалъ его. Это противоположность двухъ явленій, свободнаго сознанія идеи и насильственнаго ея внесенія. Въ ней погибли многіе виды Словенскаго рода, Полябскія племена, за исключеніемъ Лужичанъ, пали жертвой ея, они не хотѣли признать идеи, исторгавшей у нихъ всю индивидуальность. Другіе удержали свою особность, хотя могли потерять свою независимость. Причины сему находятъ въ томъ, что когда возникло раздѣленіе церквей, эти послѣдніе были уже знакомы съ христіанствомъ; слѣдовательно рѣшеніе вопроса: какой церкви должны принадлежать тѣ или другія племена? не могло касаться лишенія ихъ особности, внесеніемъ новаго начала, но только направленія, которому должно было подчиниться его данное уже содержаніе. Въ эпохѣ перехода отъ натурализма къ христіанству т. е. начиная съ IX, въ X и даже въ половинѣ XI стол. обращаетъ вниманіе наше сознаніе христіанства, свободно проявленное въ Словенскомъ богослуженіи. Словенское богослуженіе, можно теперь утвердительно сказать, до конца X стол. и даже до половины XI соединяло въ себѣ Словенъ просвѣщенныхъ христіанствомъ. Оно есть не посредственное возведеніе сознанія идеи до выраженія ея словомъ. *Словенамъ живущимъ крещенымъ Кириллъ и Меѳодій преложиша священное Писаніе, говоритъ Несторъ. Соф. Врем. т. I, стр. 18, и этимъ доказываетъ необходимость явленія*

въ слѣдствіе перваго условія, предварительнаго знакомства съ христіанствомъ. Это Словенское богослуженіе было дѣйствительно необходимымъ послѣдствіемъ свободнаго распространенія христіанства. Оно идетъ по слѣдамъ его. Гдѣ только замѣчаемъ водворенное христіанство, тутъ и признаки Словенскаго богослуженія. Борьба, которую вели папы и императоры съ Словенами, не была только направлена противъ язычества, — она имѣла цѣлью подавить, уничтожить явленія самобытнаго существованія Словенскаго богослуженія. Это мы видимъ у Чеховъ, гдѣ до конца XI столѣтія были дѣлаемы тщетныя усилія удержать Словенскій языкъ въ богослуженіи и даже въ Польшѣ, гдѣ, по мнѣнію Мацѣевского, христіанство распространялось исключительно въ духѣ Словенскаго богослуженія духовными, посвященными св. Меѳодіемъ, оно было наконецъ у поадриатическихъ Словенъ и Хорутанъ (Виндо-Слов.), гдѣ изобрѣтена была глаголитская азбука и гдѣ явленіе Меѳодія заставило удалиться недовольныхъ Нѣмцевъ - монаховъ.

У Чеховъ еще до конца XI стол. существовалъ монастырь, основанный св. Проконіемъ въ 1030 году, гдѣ совершали литургію по Словенски, и одно куда монахи были часто изгоняемы, какъ per slavonicas litteras haereses secta irretiti. Виновникомъ совершеннаго изгнанія ихъ былъ папа Григорій VII, называвшій усилія Вратислава князя Чешскаго удержать Словенское богослуженіе дерзостію, temeritate, по той причинѣ, что: omnipotenti Deo placuisse esse quibusdam locis occultam sacram scripturam, nisi ad liquidum cunctis pateret forte vilesceret et subiaceret despectui, aut prae intellecta a mediocribus in

errorem induceret. Dobrow. Gesch. d. böhm. Sprache und Litt. 1796 г. стр. 41. По смерти Борзивожа панующаго князю не прерывая вынуждали в Чехии славянский обрядок, dopiero за панования праправнучка Борзивожа, обрядок латинский uznawano за панующаго и мимо то истнал и так иещче в чешской краини славянский обрядок обок латинского обрядку. Maciejow. pamient. т. I, стр. 125. О Словенскомъ богослуженіи въ Польшѣ Maciejow. ibid стр. 136: do nas (do Polski) dopiero w drugiej polowie X wieku podobnie jak do innych slowianskich ludow weiskaé sie zaczął laciński obrzadek, miejsce slowianskiego zajawszy. срв. стр. 148, 150, 164, 171 и стр. 156, гдѣ сказано: nie insze chrzescianstwo lecz slowianskiego obrzadku istnialo u nas az do czasu traktatu gnieznienskigo (1000 год.), lub jak mowilem wyzej i obrzadek laciński obok slowianskiego miał miejsce w panstwie Mieczysława, rowniez jak slady obrzadku slowianskiego u nas byly i po traktacie gnieznienskim, az wreszcie laciński obrzadek nad slowianskimi gore wzial zupełnie. Wiszniewski Hist. lit. polsk. т. I. стр. 288. У Далматовъ Словенское богослуженіе подавлено было въ 1059 г. Mac. ibid. стр. 117. Оно было у Хорутанъ, у коихъ глаголитская и Кирилловская письменности были въ равномъ употребленіи. См. Анонимі Salisburg. A. 870 Histor. Conv. Carantanorum, въ Копитаря Glagol. Cloz. стр. LXXIV, и § XV, стр. XIV и XXXII.

Общимъ результатомъ сказаннаго есть то, что христіанство не находило сопротивленія въ сердцахъ Словенъ въ ихъ природномъ положеніи. Только желая отвратить насильное инокореніе началу, развиваемому Римской церковью, при содѣйствіи Римскихъ императоровъ, они оставались при своемъ язычествѣ. Слѣдствіемъ самобытнаго развитія христіанства, было Словенское богослуженіе: здѣсь начало литературы. Оно

обнимало все племена, припавшія христіанство независимо отъ вліянія запада, слѣдовательно, оно есть выраженіе общаго сознанія, проявленнаго въ словѣ. Гдѣ оно сперва созрѣло? гдѣ пробудилась первая его потребность? это вопросъ, рѣшеніе котораго вовсе не опровергаетъ положенія нынѣ болѣе и болѣе оправдываемаго, что Словенское богослуженіе было удѣломъ всехъ Словенъ крещеныхъ. Что касается до вопроса: когда и гдѣ возникла Словенская письменность? то, говоря самымъ общимъ образомъ, она получила начало тамъ, гдѣ индивидуальность Словенъ еще не была помрачена чуждымъ вліяніемъ, и тогда, когда еще не рѣшена была участь ни одного племени Словенскаго, именно въ половинѣ IX столѣтія.

У какого именно племени письменность Словенская, а съ ней Словенское богослуженіе возникли, ученые по сию пору не согласны. По мнѣнію Востокова (Словенскіе памятники, изданные Кеппеномъ Санктпетерб. 1827, стр. 27 и Шафарика Slov. star. Okr. II. Cl. IX § 41 стр. 814, она возникла у Булгаръ; это основывается: 1) на словахъ монаха Храбра и нѣкоторыхъ лѣтописцевъ; Saf. Slov. star. Okr. II, Cl. IX, § 41, стр. 814; 2) на томъ, что письма составлены по начертанію Греческихъ и это возможно было въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Греціей; ibid. 815. 3) на свидѣтельствѣ Іоанна Экзарха Булгарскаго и 4) многихъ легендъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, св. Людмилѣ, епископѣ Климентѣ и проч. ibid. 816 и 817. 5) Это мнѣніе основывается еще на особенностяхъ языка и именно звукѣ жед, свойственномъ Булгарскому нарѣчію, и словахъ Финскихъ и Готскихъ, ibid. 819; такъ же на распространеніи въ древнія времена Булгарскаго нарѣ-

чія далеко на сѣверѣ отъ Дуная и на югѣ въ Македонію и Фракію, *ibid.* 823. Шафарикъ заключаетъ наконецъ такъ: *ne z Morawy do Bulhar, nybrz z Bulhar do Morawy, prerozenau cestau, serila se liturgie slowanska, ibid.* 818. По мнѣнію Копитара (*Glagol. Cloz.* стр. LIX) и Гримма (*Serbische Gram. Vorrede* стр. VIII) Словенская письменность получила начало въ Панноніи, у Хорутанъ (Виндо-Словенъ). Всѣ доводы, подтверждающіе это мнѣніе, можно будетъ, мнѣ кажется, изложить такъ: А) Со стороны языка, оно доказывается 1) тѣмъ, что такъ какъ рк. св. пис. исподоволь измѣнились въ языкѣ, смотря потому гдѣ были употребляемы, то могло случиться, что Хорутанскія (Виндо-Слов.) рк., перешедъ впоследствии къ Булгарамъ, перемѣнились въ языкѣ также, какъ эти измѣнились на Руси. О такомъ переходѣ ркп. мы хотя и не имѣемъ совершенныхъ свидѣтельствъ, какъ не имѣемъ ихъ о томъ, какими путями они переходили отъ Булгаръ къ Русскимъ Словенамъ, но имѣемъ однакожъ свидѣтельства, ясно доказывающія измѣненіе языка (см. приписку къ Святославу сборнику въ вѣст. Еврп. 1823, № 16 ст. 99 и 105, и приписку къ Триоду начала XIV ст. жур. мин. просв. 1836, сентября, стран. 537), слѣдственно, языкъ Ц. С. измѣняясь могъ удалиться отъ яз. Хорутанъ (Виндо-Слов.), не потерявъ однакожъ признаковъ, сближавшихъ его съ послѣднимъ. 2) Если ринезмъ дѣйствительно существовалъ въ Ц. Словенскомъ языкѣ, то этимъ свойствомъ онъ сходствуетъ съ Хорутанскимъ (В. Слов.), въ древнѣйшемъ памятникѣ котораго, Фрейзингенской рукописи, весьма примѣтенъ его слѣдъ. 3) Встрѣчаемыя слова верхне-Нѣмецкаго языка (*d. Hochdeutsch*) могутъ быть отнесены къ языку, находившемуся въ сосѣдствѣ съ нимъ, именно къ языку Хорутанскому (В. Слов.) 4) Если глаголитская азбука, которой древность нынѣ не подлежитъ сомнѣнію была изобрѣ

рѣтена въ Истріи, или по-крайней-мѣрѣ оттуда распространялась, то она должна относиться къ Хорутанамъ, слѣдовательно была возможность возникнуть здѣсь письменности. См. *Glag. Cloz.* стр. X. 5) Свойства настоящаго нарѣчія Хорутанъ (Вин. Сл. ближе чѣмъ Сербскаго и Булгарскаго подходятъ къ свойствамъ Ц. Слов. В) Изъ исторіи мы знаемъ, что Словене въ Булгаріи возимѣли перевѣсъ только со времени принятія христіанства самими побѣдителями, т. е. въ половинѣ IX стол., между тѣмъ какъ самобытность Хорутанъ (Виндо-Слов.), продолжавшаяся съ VIII до начала IX стол., нѣкоторыхъ же племенъ ихъ до начала X стол., была залогомъ самобытности распространенія просвѣщенія. 2) Христіанство у Хорутанъ (Виндо-Слов.) распространилось еще раньше, чѣмъ у Булгаръ, чрезъ вліяніе Аквилейскихъ патріарховъ. 3) По свидѣтельству Зальцбургской лѣтописи, Меодій дѣйствовалъ въ Карантаніи, а по свидѣтельству Нестора, въ Моравь, относимой, по всей справедливости, къ краю, гдѣ нынѣ Хорутане (Виндо-Слов.).

Первымъ моментомъ сознанія Словенъ, стремившихся поставить жизнь свою въ независимомъ развитіи отъ вліянія чужеземныхъ народовъ, былъ переводъ священнаго Писанія. Это безсмертный памятникъ самобытныхъ усилій, уяснить себѣ вѣрованіе свое посредствомъ вразумительнаго слова. Съ нимъ вмѣстѣ начинается письменность Словенская, до сего времени слабо прозябавшая.

У Словенъ до изобрѣтенія кирилловскаго и глаголитскаго письменъ были руны: см. изображеніе Чернобога въ Бамбергѣ. Жур. мин. просв. 1838, май, и Кухарскаго письмо въ *Dziennik'ъ powzeczbn.* 1829 г.,

прибавленіе къ № 23 о рунической надписи на шлемахъ, найденныхъ въ исторіи между Плуемъ (Pettau) и Радгонемъ (Radkersberg), см. Wiszn. Hist. Lit. Polskiej т. I. стр. 167 прим. 7, и монаха Храбра о письменахъ Словенъ въ Калайдович. Іоаннъ Экзархъ Болгар. стр. 88.

Письменность эта обнаружилась въ двухъ начертаніяхъ глаголитскомъ, составленномъ будто бы св. Іеронимомъ, и кирилловскомъ, прозванномъ отъ имени св. Кирилла, изобрѣтеніе которыхъ относятъ къ IX стол. Обѣ азбуки поднотую своею обнимаютъ всѣ звуки Словенскаго языка, и обѣ были издревле въ одинаковомъ употребленіи.

Сомнѣнія Добровскаго въ древности глаголиты оказываются несправедливыми; но не рѣшено, которая изъ двухъ азбукъ древнѣе. Копитаръ почитаетъ глаголитскій алфавитъ «olim communi jure cis Danubium cum cyrilliano dominatum», Glag. Cloz. стр. X столб. 2, предлагаетъ два предположенія, либо глаголитская азбука древнѣе кирилловской, либо она изобрѣтена самымъ же Меѳодіемъ. Quid si quis dicat, glagoliticum alphabetum fuisse inventum ante s. Cyrillum, sed nondum adhibitum ad sacra, Cyrillum autem et Methodium pannonicam linguam adhibuisse ad sacra, eamque scripsisse caractere graeco, assumtis e veteriore glagolitico nonnullis signis, aut quid si ipse postea Methodius ad vitandam graecizantis alphabeti Cyrilliani inter Latinos invidiam, glagolitici auctor exstiterit. Glagol. Cloz. стр. X столб. 2.

Переводъ священнаго Писанія совершенъ былъ Меѳодіемъ, уроженцемъ Солунскимъ, призваннымъ князьями Ко-

целомъ и Ростиславомъ и пребывавшимъ у Словенъ, имъ подвластныхъ, 22 года. Отсюда перешелъ онъ ко всѣмъ Словенамъ двумя путями, на сѣверъ въ Чехію и малую Польшу, составлявшія тогда велико-Моравское государство, на югъ къ Булгарскимъ Словенамъ, урвненнымъ въ сіе время съ иноплеменными побѣдителями, къ Сербамъ и наконецъ къ Русскимъ.

Кириллу приписываютъ изобрѣтеніе письменъ и много-много начало перевода чтеній Евангелія. Saf. Slov. star. Okr. II, Cl. IX, § 29, стран. 588, Меѳодію же исключительно принадлежитъ довершеніе всего перевода. Многіе ученые разумѣютъ подъ переводомъ св. книгъ, переводъ всѣхъ богослужбныхъ и всѣхъ библейскихъ книгъ; судя однакожъ по оставшимся памятникамъ, нельзя не согласиться съ Добровскимъ, полагавшимъ переводъ нѣкоторыхъ только нужнѣйшихъ. Si vero quaeras quos in specie libros graecos e graeca lingua in slaviam transtulerint, non facile reperias testem idoneum, qui accuratius nos de hac re doceat. Nestoris verba non de integro novo testamento, sed de Evangeliiis, Actis et Epistolis, minime vero de Apocalypsi intelligenda sunt. E veteri testamento praeter psalterium, cujus semper maximus fuit usus, certe vix aliud, quam paucae lectiones e quibusdam libris a Cyrillo aut Methodio seculo novo conversae. Inst. lingu. Slav. стр. VII, VIII. Шафарикъ простираетъ этотъ переводъ на многія богослужбныя книги. Saf. Slov. star. Okr. II, Cl. IX, § 41, стр. 841: ср. Прологъ XIII стол. въ Калайд. Іоаннъ Экзархъ Болг. стр. 90 прим. 10.

Съ нимъ вмѣстѣ утвердилось господство одного нарѣчія, нынѣ называемаго церковно-Словенскимъ, употребленіемъ

которого соединены были всѣ, принявшія христіанство, племена. Но усилія развить литературу Словенскую въ духѣ Словенскаго богослуженія достигли высшей своей степени у Булгаръ, принятіемъ христіанства слившихся въ одну цѣлость и достигшихъ, въ X столѣтіи, высокаго значенія въ ряду Словенскихъ народовъ. Здѣсь въ это время Словенская литература нашла убѣжище отъ преслѣдованій Нѣмцевъ, усиливавшихся уничтожить велико-Моравское государство, отъ варварскихъ набѣговъ Угровъ, отнимавшихъ у союзниковъ велико-Моравскаго государства все ихъ достояніе: здѣсь благочестивые цари возмелеяли ее для будущихъ воспріимниковъ ея Сербовъ и Русскихъ.

Древнѣйшіе памятники церковно-Словенскіе почитаются обыкновенно Булгарскими. Церковно-Словенская литература поддерживалась тамъ въ X стол. духовными, бѣжавшими отъ преслѣдованія Нѣмцевъ изъ великой Моравіи въ Булгарію, подъ покровительство царя Симеона, Гораздомъ, Климентомъ, Вавржицемъ (Лаврентій), Наумомъ, Ангеляромъ, упоминаемыми въ жизнеописаніи св. Климента ст. 121—124. *Saf. Slov. star. Okr. Ц, Cl. IX, § 41, стр. 813.* Изъ Булгарскихъ писателей извѣстны епископъ Константинъ и монахъ Григорій. Калайдовичъ и Шафарикъ относятъ Іоанна Экзарха Болгарскаго къ X столѣтію, Копитаръ же и Строевъ, кажется, справедливѣе полагаютъ его въ XII столѣтіи. См. *Wiener Jahrb. der Litt.* 45 кн. стр. 138 и *Журн. мин. просв.* 1834, февраль, стр. 152, § 6.

Произведенія литературы церковно-Словенской ограничившись преимущественно переводами нужнѣйшихъ твореній,

уясняющихъ главную идею христіанства, какъ то: проповѣдей, богослужебныхъ книгъ, краткихъ статей разныхъ содержаній; оригинальныя сочиненія, кромѣ небольшихъ прибавленій къ проповѣдямъ, доселѣ не открыты.

Древнѣйшіе памятники письменности до полов. XI столѣтія суть:

1) Евангеліе Остромірово 1057 года. Собст. Чтенія изъ Еванг.

2) Псалтирь XI стол. Им. пуб. биб. Кеппена Биб. лист. 263.

3) Замѣчательно, что бесѣды Златоустовы были переводимы съ самаго IX стол.; изъ нихъ Симеонъ царь Булгарскій составилъ Сборникъ, названный златоструй. Остатки перевода словъ Златоустаго, найдены Палацкимъ въ Латинской ркп. IX ст. *Saf. Slov. star.* стр. 948.

4) Житіе Святыхъ отъ 4 до 31 марта и бесѣды Іоанна Златоуста на разныя св. дни со включеніемъ одного слова Епифанія и одного Фотіева XI ст. см. Кеппена Биб. лист. № 14.

5) Златоустовы и Епифаніевы слова XI стол. писанныя глаголит. буквами и изданы Кошитаремъ въ его *Glagolita Clozi. Vindob.* 1836.

6) Житіе св. Кондрата, X или XI стол. у г. Погодина.

7) 13 словъ Григорія Назіанзина (богослова) писанныхъ въ XI стол. Кеппена Биб. лист. № 7. Сюда такъ-же относятъ переводъ Пандекта монаха

Антиоха XI стол. Иоанна экс. Бол. Калайд. стр. 12 пр. 31.

8) Два сборника XI стол. писаны съ гораздо древнѣйшихъ: 1 — 1073 въ Син. биб.

2 — 1076 Эрм. биб.

Эти сборники заключаютъ въ себѣ отрывки и сочиненія отцовъ церкви и статьи разнаго содержания. Это были плоды трудовъ монаховъ Булгарскихъ. Въ заключеніе приведу слова Шафарика о дѣятельности Булгарскихъ писателей. *Techto a tem podobnych muzi (см. предъидуц. примѣч.) a gegiel nas turcuw neupawenau rey o nabožnj i mrawnj w delanj narodu slowanskeho literatura slowanska, w horessich Morawach, Cechach, we Slowacjch a Polste wsamem vzniku swem potlacena, w Bulhareh (Thracii a Macedonii w topogmuie) a Srbech, preklady s. pisma, knih liturgiekieh, del sw. Oicuw, cirkewniho prawa, letopisuw a. t. d. tak se obohatala, ze ited, pri nemnohych tuh zbyteich gegich poctyrstoletnjm tureckim zpustenj tech ragskich kragin, pohled na nj a nekdegsj poklady gegi kazdeho nestranneho zna tele gazyka a wecj neuwyssem obdiwe-njm naplnuge. Slov. star. Okr. II, Cl. III, § 29, стр. 592.*

Такимъ образомъ обнаружилось сознание Словенъ, проникнутыхъ христіанствомъ. Булгары заготовили своею дѣятельностию богатые запасы для будущихъ вѣковъ. Другія племена участвовали въ этой дѣятельности принятіемъ Словенскаго богослуженія и изрѣдка, вѣроятно, вслѣдствіе соперничества Нѣмецкихъ и Словенскихъ духовниковъ, усиліями уразумѣть на своемъ собственномъ нарѣчій истинны вѣчнаго завѣта.

Я разумѣю здѣсь памятники Чешскіе, посвященіе на себѣ слѣды церковно-Словенскаго языка. Ихъ собственно два: гѣсьнь *Hospodyne — pomiliu ny etc* съ явственными признаками Ц. С. языка, и чтенія изъ Евангелія св. Иоанна. Оба памятника X стол. см. *Cas. Ces. muz. 1829, II. ч. 33.* Сюда также отнесу памятники языка Хорутанъ (Виндо-Слов.) наз. Фрейзингенскою рукописью X стол. Сходство языка этой рукописи съ церковно-Словенскимъ служить основаніемъ мнѣнія о тождествѣ сего послѣдняго съ Хорутанскимъ. Кто обратитъ вниманіе на разстояніе этихъ памятниковъ, писанныхъ у Хорутанъ (Виндо-Слов.) въ X стол. и Остромирова Евангелія въ XI ст. у Русскихъ, говоритъ Копитаръ, *is puto jam nunc similitudinem potius mirabitur tam diverso loco et tempore natorum quam differentiam.* Совѣмъ противнаго мнѣнія Шафарикъ. *Slov. star. Okr. II, Cl. IV, § 36 стр. 714.*

Исторія и поэзія въ эпохѣ перехода отъ натурализма къ христіанству. Предъ христіанствомъ всѣ явленія природной жизни должны были исчезнуть или претвориться, чтобы выразить новую жизнь имъ выполненною. Исторія и поэзія до возобладанія христіанства, какъ ни богаты были, вѣроятно первая замѣчательными событіями, вторая яркими и разнообразными очерками ихъ быта и отношений, долженствовали потерять свою безотносительную значительность и служить началу, восторжествовавшему надъ непосредственными явленіями природнаго положенія Словенъ. Собственно исторія и поэзія въ этой эпохѣ сливаются въ одну безразличную область, въ которой сознание свою дѣятельность въ прошедшемъ созерцало только въ сказаніяхъ (сагахъ), свое настоящее выражало въ обрядовыхъ

пѣсняхъ, посящихъ и теперь разительные признаки мѣстнаго, натуралистическаго значенія. — Съ началомъ постепеннаго развитія, съ просвѣщеніемъ христіанскимъ сказаніе, теряя свой синтезъ, совокупляющій времена, лица и отношенія въ цѣлость, переходитъ въ анализъ прошествій, *лѣтописи*, и предоставляетъ были, какъ поэтическому произведенію, общность характера эпохи; обрядовыя пѣсни теряютъ значеніе непосредственнаго отношенія общества къ природности, переходятъ въ повѣсть о внутреннемъ бытѣ народа, отрекаясь отъ поэтической самосозерцательности, удѣла были. Съ усиливающимся просвѣщеніемъ различаются двѣ области; одна, въ которой сознание народа замѣчаетъ свой бытъ, слѣдуя порознь за каждымъ явленіемъ дѣйствительности (*лѣтопись*, повѣсть, исторія); другая, въ которой сознание народа обозначаетъ всю дѣятельность свою общими признаками ея значенія, сливая въ немъ лица, годы и отношенія, (*быль*, бытовая пѣснь, поэзія). Въ эпохѣ перехода отъ натурализма къ христіанству еще не раздѣлены поэзія и исторія, онѣ вмѣстѣ свидѣлствуютъ о быломъ и настоящемъ въ безразличной своей формѣ, въ которой историческая критика доискивается фактовъ, эстетическая удовлетворяется вымысломъ. Укажемъ на памятники, выражавшіе отношенія христіанства къ дѣйствительности, опредѣляемой непосредственной природностию и отношенія племенъ какъ къ чужимъ народамъ, такъ и между собою. Что касается до перваго, то какъ было показано, христіанство, какъ безразличная идея, водворяясь въ быту Словенскихъ племенъ, исподоваль и, кажется, безъ примѣтнаго сопротивле-

нія подчиняла себѣ всѣ формы жизни развитой подъ условіемъ природности, почему всѣ явленія быта, хотя и теперь еще напечатлѣны непосредственностію, претворились въ характеръ своею, болѣе и болѣе стали указывать на торжественные случаи, ознаменованные идеей. Можно сказать, что большая часть такъ называемыхъ обрядовыхъ пѣсней, куда я отношу, кромѣ свадебныхъ и семейныхъ, еще хороше и вообще многія бытовыя, свидѣлствовали прежде о внутренней жизни народовъ, теперь получили свое относительное значеніе. Они, хотя и измѣнены въ языкѣ, по духу своему принадлежатъ болѣею частию къ древнѣйшему времени. Всѣ обрядовыя пѣсни, которыми такъ богаты Словене, имѣли прежде, такъ сказать, свое общественное значеніе, обнимали собою все общество, были свидѣлствомъ ихъ общихъ отношеній къ явленіямъ природы, (какъ напр. означающія времена года, коляды, веснянки, купальныя *subotki*, *Rotuly*, гайлики и прочія, пѣсни о Вилахъ, Русалкахъ, Моранѣ), или выражали общественныя и семейныя торжества (тризны, свадьбы). — Съ водвореніемъ христіанства, они стали сопровождать торжества откровенія идеи и сдѣлались прибавленіемъ въ семейныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ освященіе свыше играетъ первую роль. — Христіанство, какъ условіе владычества Германцевъ надъ Словенами, притязая на уничтоженіе ихъ, пробуждало всегда борьбу, и только въ этой борьбѣ мы находимъ памятники языческіе. На предѣлахъ Германцевъ и Словенъ развились враждебныя отношенія, выразившіяся въ словѣ. Замѣчательно, что самобытное водвореніе христіанства всегда примиряло противорѣ-

чія безъ слѣдовъ даже борьбы. Словене и Булгары, Словене и Руссы, Словене и Чудь христіанствомъ сливались въ одну, безразличную цѣлость. Но тамъ, гдѣ являлись покорители съ даромъ истины, она не была понимаема, не была примирительницей, и часто даже послѣ вынужденнаго признанія ея отвергалась. Подъ условіемъ только этихъ отношеній развилась непримиримая вражда Полябскихъ Словенъ, кончившаяся ихъ совершеннымъ истребленіемъ, обнаруживалась приверженность къ язычеству у Чеховъ и Поляковъ.

Politische Abhängigkeit der Wenden und Zinspflichtigkeit war der Hauptzweck der Deutschen: *das Werk ihrer Bekehrung nur ein eventuelles Mittel dazu.* Lüt-zow Gesch. v. Mecklenburg стр. 122 срв. Шлецеръ Nestor. Russ. An. стр. 180, 181.

Только по отношенію къ Германцамъ, водворителямъ христіанства, язычество, ослабленное, безъ внутренняго содержанія поднимало главу свою, тщетно воодушевляло обреченныя на погибель племена къ защитѣ призрака, дорогою по связи съ самобытностію. У западныхъ, сосѣднихъ Германцамъ, племень Словенскихъ развились богатые историческимъ содержаніемъ сказанія, въ которыхъ выразилась вражда противъ притѣснителей, вѣковая брань за самостоятельность, замѣченныя преданіемъ и засвидѣтельствованныя исторіей.

Мы имѣемъ памятникъ сего въ одной пѣсни Краледворской ркп., сочиненной вѣроятно позже

по древнимъ историческимъ преданіямъ. Она представляетъ побѣду Заболъ и Славоя надъ чужими (Нѣмцами и ихъ вождемъ Людекомъ), вторгшимися въ ихъ отчину (*dedinu*) и чужими словами повелѣвавшими, поклоняться такимъ богамъ, какіе въ чужой странѣ и имъ приносить обѣты.

Отношенія Словенскихъ племенъ, между собою, ихъ враждованіе, ихъ усилія слиться въ отдѣльныя народы или поддержать мнимую свободу въ раздробленіи породили множество сказаній, которыми начинаются всѣ древнѣйшія лѣтописи и которыя безъ сомнѣнія долго еще носились въ пѣсняхъ или отдѣльныхъ повѣстяхъ. Всѣ они лежатъ внѣ круга христіанскаго, ибо съ нимъ вмѣстѣ появились отдѣльныя цѣлья, составленныя изъ противоположныхъ племенъ и отношенія этихъ цѣлыхъ народовъ переходятъ уже въ лѣтопись, исторію, получившую начало съ упроченіемъ просвѣщенія. Литература, созерцающая эти отношенія въ данномъ, въ словѣ, предоставляетъ исторической критикѣ поставить на видъ этотъ родъ сказанія. Ея долгъ изъ даннаго уже уразумѣть значеніе отношеній. Памятникомъ сихъ племенныхъ отношеній могутъ быть, составленная по древнѣйшимъ преданіямъ, пѣснь Краледв. Ркп. Честимиръ и Влаславъ и, кажется, совершенная X стол. пѣснь, Любу-минъ Судъ.

Характеръ первой пѣсни можетъ служить образчикомъ всѣхъ пѣсенъ, утраченныхъ для литературы и выражавшихъ непобѣдимый духъ свободы, ограниченной мелкими племенами. Двое князей, Влас-

лавъ и Некланъ враждуютъ. Воевода Неклана, Честимиръ, несетъ въ страну Власлава мечь и гибель (romstu i rahuvi voi moi pap pessau) за обиду (rohane) его князя и за раззореніе отчины (ktosezze dedinu, kto gozplaka wase klasy? Wlaslaw). Эта пѣснь весьма напоминаетъ Освету нынѣшнихъ Черногорцевъ. Въ Любушинѣ Судѣ, подлинность котораго поставлена нынѣ выше всякаго сомнѣнія, племенной раздоръ представленъ въ переходѣ къ общественной цѣлости. Два брата спорятъ за удѣлы; не довольные судомъ Любуши — порицаніемъ своимъ даютъ поводъ этой мифической владычицѣ Чеховъ предложить имъ князя. Kralow. Ruk. 1829 г. стр. 194 и 197, гдѣ раздѣлено это стихотвореніе на два.

Какъ бы ни разсматривали бытъ Словенъ, въ отдѣльномъ ли какомъ либо народѣ, или въ совокупности всѣхъ племенъ, нельзя не согласиться, что до конца X столѣтія, Словене представляли одно направленіе, стремились къ одной цѣли, не достигнутой по причинѣ отношеній, въ которыя поставлены были своимъ положеніемъ. Приготовленные натуралистическимъ своимъ развитіемъ къ принятію христіанства, они исподволь проникались имъ, но встрѣтившись на пути сего постепеннаго сознанія съ побѣдоносными Германцами, прикрывавшими религіей замыслы, гибельные для самобытности ихъ сосѣдей, Словене останавливались въ добровольномъ признаніи вѣчной истины, одни отталкивали ее, желая отвергнуть вліяніе Нѣмцевъ, увлечены были въ борьбу гибельную для нихъ, другіе, раньше проникнутые идею покорились политической власти защитниковъ западнаго исповѣданія и въ то время, когда Словенское богослуженіе долж-

но было восторжествовать и быть первымъ признакомъ самобытности Словенъ и ихъ взаимной связи, увлеклись своими сосѣдями, разрознились съ своими соплеменниками и оставили на многія вѣка путь, по которому, казалось, должны были дружно слѣдовать, чтобы отвратить всѣ бѣдствія, какимъ впоследствии подверглись. — Остановивъ вниманіе на значеніи эпохи перехода отъ натурализма къ христіанству, мнѣ кажется, можно поставить слѣдующія положенія, какъ аксіомы оправдываемыя литературою этой эпохи.

- 1) Раздробленные Словене на многія отдѣльныя племена — съ христіанствомъ получили значеніе болѣе индивидуальное.
- 2) Возможность христіанства лежала глубоко въ самомъ характерѣ Словенъ, исполненіе ея облегчено вліяніемъ Грековъ.
- 3) Первымъ необходимымъ явленіемъ сознанія идеи христіанства было Словенское богослуженіе, и слѣдственно
- 4) съ Словенскимъ богослуженіемъ начинается литература какъ потребность уяснить себѣ идею, въ непосредственномъ ея памятникѣ, откровеніи.
- 5) Это Словенское богослуженіе обнимало всѣхъ христіанскихъ Словенъ.

6) Только тамъ, гдѣ не было добровольнаго принятія христіанства, тамъ язычество поставило себя враждебнымъ ему.

7) Притязанія Германскаго императора заставили Словенъ, однихъ упорствовать въ язычествѣ, другихъ, мало-по-малу оставить Словенское богослуженіе.

Слѣдствія сего послѣдняго увидимъ въ слѣдующей эпохѣ.

II ЭПОХА.

Отъ половины XI до конца XIV столѣтія. Словене въ двухъ религіозныхъ сферахъ. Отношеніе ихъ къ Византіи и Западу. Общее значеніе Словенъ. Характеръ просвѣщенія этой эпохи. Дѣятельность литературная Словенъ восточнаго исповѣданія и Словенъ западнаго исповѣданія. Обзоръ литературы Словенъ. Догматическая и дидактическая проза. — Исторія. — Поэзія. — Заключеніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ римскій епископъ и германскій императоръ стали дружно содѣйствовать просвѣщенію Европы, какъ первый назвалъ себя *слугою слугъ* и *главою христіанства*, второй, слѣдуя призванію своему, быть *защитникомъ* римской церкви, распростеръ свои виды далеко за предѣлы германскаго рода; съ тѣхъ поръ уже предопредѣлено было Словенамъ подвергнуться бѣдствіямъ въ которыхъ однакожъ какъ ни велики были ихъ потери, ни одно племя, принявшее добровольно и независимо отъ насильственнаго внесенія его, христіанство, не потеряло своей индиви-

дуальности до того, чтобы не сохранить ее слѣдовъ до нашихъ временъ. Погибли только приверженцы язычества. Прочія Словенскія племена должны были разобщиться и принять противоположныя направленія, но не исчезнуть. Усилія подчинить Словенъ Римской церкви и Германскому императору начались съ самаго IX столѣтія, не стихали и въ слѣдующихъ вѣкахъ, но и съ сего времени имъ противопоставлены были съ одной стороны Словенское богослуженіе, съ другой язычество. Этимъ обозначилась первая эпоха нравственной жизни Словенъ. Раздѣленіе церквей мало-по-малу сознаваемое въ спорахъ, продолжавшихся отъ Константина великаго за край, населенные Словенами, вовлекло и этихъ послѣднихъ въ необходимость поставить себя на сторонѣ той, или другой церкви.

Извѣстно, что первой причиной спора папъ съ патриархами Константинопольскими былъ вопросъ, кому должна принадлежать Иллирія, папѣ или патриарху? Этотъ вопросъ ввелъ въ разладъ Фотія съ папами Адрианомъ и Іоанномъ VIII и вслѣдствіе сего стали разсматривать несогласія въ догматахъ обѣихъ церквей. Maciejowski Pamientn. т. I, стр. 94.

Долго еще христіанство было сознаваемо Словенами какъ безразличная идея въ противоположности съ натурализмомъ, долго еще не смотря на проски Нѣмецкихъ духовныхъ, Словене знали только необходимость христіанства въ Словенскомъ богослуженіи. Великое Моравское государство было основано на этой идеѣ: ею подкрѣпляемое, оно сдѣла-

ло невозможнымъ всѣ старанія Нѣмецкаго духовенства ввести безусловное подчиненіе чуждому вліянію. Послѣ паденія его, отдѣльные князья Словенскіе давали свободный входъ вліянію Нѣмцовъ, но и такъ еще не рѣшена была участь Словенскаго богослуженія, соединявшаго мало-по-малу племена Словенскія. Вторженіе Угровъ язычниковъ, остановило почти на столѣтіе политику императоровъ. При всѣхъ бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ Словенами во время нападенія этихъ варваровъ, Словенское богослуженіе не переставало усиливаться и распространяться. Только тогда, когда Стефанъ король Венгерскій преклонился къ католицизму, и такимъ образомъ сталъ дѣйствовать въ пользу Римскаго епископа, когда Оттоны увлекли Пшемислидовъ и Пястовъ, тогда Словенское богослуженіе начало уступать мѣсто Латинскому; съ тѣхъ поръ всѣ западные Словене дѣлаются мало-по-малу жертвою Германскаго вліянія, подъ условіемъ католицизма. Когда наконецъ усилія примирить восточную и западную церкви кончились въ половинѣ XI стол. вѣчнымъ разрывомъ, Словене стали сознавать идею христіанства въ противоположныхъ себѣ сферахъ по отношеніямъ, въ которыя поставлены были мѣстностію. Съ папою Григорьемъ VIII началось рѣшительное раздѣленіе просвѣщенія. Съ половины XI стол. рядъ явленій въ просвѣщеніи Словенъ долженъ быть опредѣляемъ только въ этой противоположности. Грань этой эпохи можно обозначить нѣсколькими весьма важными фактами. Замѣчательно, что, около половины XI столѣтія, вездѣ на западѣ Словенское богослуженіе сдѣлалось предметомъ гоненій. Въ Далматіи Салонскимъ соборомъ (1060) оно отвергнуто и

всѣ церкви Словенскія заперты, въ Чехіи монахи Словенскіе названы фетиками, ходатайство объ нихъ князя Вратислава почтено Григоріемъ VII дерзостію, въ Польшѣ послѣднія усилія стать противъ чуждаго вліянія послѣ смерти Мечислава II уничтожены были реставраціей Казимира въ смыслѣ церковномъ; однимъ словомъ, на западѣ, въ половинѣ XI стол., особенно со временъ рѣшительныхъ мѣръ Григорія VII, поставить власть Римскаго папы выше всякой власти свѣтской — исчезли и слѣды даже прежняго самобытнаго развитія Словенъ западныхъ.

In hac salonica synodo (1060) constitutum est ut nullus de cetero in lingua slovenica praesumeret divina mysteria celebrare nec aliquis eiusdem linguae promoveretur ad sacros ordines — hoc statuto promulgato, omnes sacerdotes Slavorum magno sunt moerore confecti, omnes quippe eorum Ecclesiae clausae fuerint, ipsi a consuetis officiis siluerunt. Thom. Archid. in Vita Lurent. Epis. стр. 16, Колларъ Wyklad ku Slawy Dęfre стр. 414. Окончательно изгнаны были монахи Словенскіе изъ Чехіи (изъ Сазавы) въ 1092, въ княженіе Конрада. Мацѣвскій предполагаетъ, что не одна приверженность къ язычеству могла быть причиной мятежей, возникшихъ въ Польшѣ послѣ смерти Мечислава; быть можетъ это была борьба Словенскаго богослуженія противъ католическаго. Atoli uważajonc na to ze sluzbe boza kosciola wschodniego poganstwem nazywano, trudno odgadnosc, czy kronikarze lacinsey, mówione o poganstwie wszedzie balwochwalstwo, lub czyliz niekiedy slowianskiego obrzondku przez nie rozumieja. см. Pam. t. I, стр. 171; срв. Wiszni. Hist. lit. Polsk. t. I, стр. 312.

Между тѣмъ возвысилась Русь, блистательно начавшая развивать свою политическую жизнь подъ условіемъ Словенскаго богослуженія, воспріявшая отъ Булгаръ богатія сокровища ихъ нравственной дѣятельности. За ней послѣдовали Сербія и Булгарія: подавленные доселѣ владычествомъ Грековъ, онѣ поставили себя въ XII столѣтіи въ независимости отъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Здѣсь образовалась жизнь совершенно противоположная жизни западныхъ Словенъ. Двѣ сферы идеи христіанства очертили всѣ Словенскія племена и казались непреходимыми, заповѣдными кругами. По мѣрѣ того какъ грань этихъ круговъ дѣлалась явственнѣе, Словенскіе народы, поставленные въ возможность взаимности, болѣе и болѣе отчуждались, болѣе и болѣе переходили въ рѣзкую противоположность.

Словене восточнаго исповѣданія по отношенію къ Византіи. Разобщенные въ своемъ направленіи, Словене поставлены были въ отношенія къ восточной имперіи и Германцамъ, отъ вліянія которыхъ просвѣщеніе ихъ, изливаясь изъ одного источника, рѣзче опредѣлилось въ своихъ противоположностяхъ. Степень сего вліянія и его послѣдствія раскроютъ главные признаки литературы этой эпохи. — Словенское богослуженіе, принесшее столь благодѣтельные плоды въ Булгаріи въ X столѣтіи быстро и незамѣтно распространило религиозное просвѣщеніе у Сербскихъ и Русскихъ Словенъ. Основываясь на началахъ Греческой церкви, оно связывало этихъ Словенъ съ восточной имперіей узами нестѣснявшими ихъ народности. Въ положеніи слишкомъ безсильномъ, чтобы разрушительно дѣй-

ствовать на народы, находившіеся не на высокой степени общности, она сообщила этимъ Словенамъ сокровища истинной вѣры и свои церковныя учреждения. Вліяніе ея на Русскихъ ограничилось только кругомъ церковныхъ отношеній. Пастыри Русскіе въ первой половинѣ этой эпохи, большею частію родомъ Греки, содѣйствовали сами къ распространенію Словенскаго слова. Митрополитъ Никифоръ Грекъ (1120) принадлежитъ къ лучшимъ Словенскимъ писателямъ. Русскіе въ этой эпохѣ не смотря на частныя сношенія съ Византіей, не заимствовали у ней ни ея государственныхъ учреждений, ни обычаевъ. Продолжительное владычество Грековъ надъ Сербамъ и Булгарами встрѣчало всегда сопротивленіе. Никакое нововведеніе Грековъ не могло устоять и было уничтожаемо въ повторяемыхъ мятежахъ, увеличивавшихъ разстройство самой имперіи. Умышленныя даже усилія ввести у этихъ послѣднихъ, уничтоживъ Словенское, Греческое богослуженіе, нашло, какъ замѣчаетъ Венелинъ, сопротивленіе въ Словенскомъ духовенствѣ и увеличило секту богомиловъ, предъ которою насиліе Грековъ должно было уступить. Съ восстановленіемъ независимости Булгаровъ и Сербовъ, первые, смѣшавшись съ Волохами, почти потеряли свою Словенскую особность, вторые, ведомые мудрыми и благочестивыми царями, умѣли сохранить себя на цѣлое столѣтіе среди внутреннихъ раздоровъ и вѣнскихъ войнъ отъ вреднаго вліянія иноплеменниковъ. Едва съ концемъ XIII стол. примѣтны слѣды знакомства Сербовъ съ нѣкоторыми учреждениями Грековъ. Тогдаже Сербскіе цари стали перенимать обычаи Греческаго двора. Но пересѣлившіеся изъ

Цареграда вмѣстѣ съ придворнымъ блескомъ всѣ неистовства разврата и интриги ускорили лишь неизбежное паденіе злополучнаго царства.

О вліяніи Греціи на Сербовъ и Булгаръ, см. Шафарикъ *Uebersic. der vorzügl. Denkm. der Südsl. Litt., Wiener Jahrb. der Litt. t. 46 и 53, § 116 и 118, ср. Rehm, Gesch. des Mittelalters, Th. 2, Abth. 2, 567,* на Русь Домбровскаго рѣчь о вліяніи Греціи на гражд. руск., Кіевъ, 1840, стр. 26, и о пригѣсненіяхъ Грековъ и богомилисмъ въ Булгаріи, см. Венелина о Болг. лит., Москов. наблюд. 1836, стр. 46. Литература богомиловъ была кажется довольно значительна, см. Полеваго ист. Русск. нар. т. II, стр. 115, Калайдовичъ I. экз. Болг. стр. 210.

Благодатное вліяніе Византіи непосредственно сообщалось этимъ народомъ. Монастыри были посредниками между ней и Словенами. Учреждаемые, по примѣру Греческихъ, они сдѣлались средоточіемъ просвѣщенія, условили взаимность ихъ. Въ монастыряхъ душеспасительныя сокровища Греческихъ отповъ церкви перелагались на Словенскій языкъ и невидимо, подобно благодати Господней, — распространялись у Сербовъ, Русскихъ и Булгаръ. Съ ними вмѣстѣ водворились и церковныя учреждения, столь спасительно дѣйствовавшія въ бурныя времена на цѣлость Сербіи и Руси. Литература Словенъ вообще этой эпохи есть плодъ вліянія религіознаго просвѣщенія Византіи, изливавшагося посредствомъ Словенскихъ монастырей на Словенскіе народы.

Основаніе монастырей Словенскихъ по образцу Аѳонскихъ началось вѣроятно еще въ X стол. Изъ Булгарскихъ монастырей примѣчательнѣйшіе были Зографъ на Аѳонѣ, основанный какъ полагаютъ въ IX стол. пов. Іоанна Рыльскаго на г. Рилѣ (Orbelus). Въ Россіи были кажется монастыри уже въ началѣ XI стол. см. Буткова Оборона Нестора стр. 401 прим. 384. Съ основаніемъ Антоніева Печерскаго монастыря, число ихъ быстро увеличивалось. Въ Сербіи монастыри существовали также въ XI стол. Примѣчательнѣйшіе однакожъ были основываемы съ XII стол. Неманичами, какъ: Миландарскій на Аѳонѣ, Топлицкій, Студеницкій, Расскій, Дечанскій. Объ участіи Аѳонскихъ монаховъ въ просвѣщеніи Словенъ срв. Maciejows. Hist. prawod. Slow. t. I, стр. 275. Z klasztorow na gorze Athos, gdzie sie dotond wiele rzadkich i malo znanych renkopisow ukrywa rozeszli sie duchowni i ludy obrzondku greckiego nawracali.

Отноше-
ніе къ За-
паду.

Имъ были противоположны Словене западные. Поставленные своимъ исповѣдованіемъ въ тѣсную связь съ Западомъ, Словене эти подчинялись мало-по-малу всѣмъ требованіямъ папскаго и германскаго. Подъ тягостію этой необходимости Хорутане (Виндо-Словене) и Хорваты потеряли свое значеніе въ литературѣ этой эпохи, Чехи и Поляки въ лицѣ Пястовъ и Пшемьслидовъ искупали свою политическую самостоятельность, водворяя въ свои края чуждые обычаи, законы и языки. Пясты и Пшемьслиды на перерывъ снѣшили признать всѣ тягостныя условія, поставляемыя папами и Германскими императорами. Уже Болеславъ II, король Чешскій и Болеславъ V. призывали Нѣмецкихъ монаховъ и давали имъ преимущество предъ Сло-

венскими. Ихъ усилія, остановленные внутренними междоусобіями, воспріяли совершенный успѣхъ во время господствованія правнуковъ Спитигнева II и Казимира I. Они дали рѣшительный перевѣсъ Нѣмецкимъ и Итальянскимъ монахамъ. Этимъ не ограничилось вліяніе запада на Словенъ. Пясты и Пшемьслиды, руководимые чужеземными духовными, перезывали Нѣмецкихъ колонистовъ, образовавшихъ собою средній классъ. Было время когда короли обоихъ домовъ, казалось, хотѣли превратить всѣхъ Словенъ въ Нѣмцевъ, когда языкъ пришлецовъ былъ придворнымъ и подражаніе Нѣмцамъ дѣлалось всеобщимъ. Такъ сильно увлекала умы западная культура!

Особенно оцутительно было такое вліяніе Нѣмцевъ въ Польшѣ, во время господствованія Болеслава Стыдливаго и Лешка Чернаго въ XIII стол., въ Чехіи, во время Пршемьслевъ, Оттонаривъ I и II и Венцеслава въ XIII стол. Тогда водворились у обоихъ народовъ Нѣмецкія права (Магдебургское, Любекское, Австрійское) и получили начало привилегіи. См. Вага ист. Польши, 1824, стр. 112, 113, 114. Добровскій ист. Чешск. лит. 1818, ст. 38.

Подъ такимъ вліяніемъ запада помрачалась народность Чеховъ и Поляковъ. Въмѣсто условій развиваемыхъ изъ потребностей мѣстныхъ, поставлены были чужія формы, которымъ необходимо было подчиниться. Религія и гражданскія отношенія долго не находили отзыва въ народной письменности. Монастыри, населенные чужеземными, не давали ей пріюта. Довольные своимъ политическимъ значеніемъ въ Че-

хия и Польшѣ, монахи - орденовъ, привесшихъ трудами своими въ другихъ странахъ столь значительныя услуги наукамъ, не дѣйствовали здѣсь съ замѣчательнымъ усердіемъ. Пясты и Пшемьслиды были отличные рыцари, понимали отношенія обще - европейскія, отношенія къ папѣ, императору, увлекались блескомъ Германскаго феодализма, но не умѣли понимать существенныя пользы своихъ подданныхъ, внося западное просвѣщеніе охранять и пробуждать ихъ народность.

Ордена Венедиктинцевъ и Цистерсовъ, кажется, вовсе были бездѣйственные въ Польшѣ: см. Wiszniewsk. Hist. lit. polsk. t. I, стр. 321, 326, 361, 362. и въ Чехіи, срв. Maciejowsk. Pamientn. t. I, стр. 187.

Съ Люксембургскимъ домомъ, увлекшимъ Чеховъ въ дѣятельное участіе во всѣ европейскія происшествія, поставившимъ отчизну ихъ на первомъ планѣ въ Европѣ, Чехи первые изъ западныхъ Словенъ стали рѣшительно помышлять объ охраненіи своей народности. Съ пробужденіемъ Чешской пробудилась, хотя слабо, и Польская національность. Въ концѣ этой эпохи видны уже усилія освободить ее изъ чужеземныхъ оковъ. Ядвига, послѣдняя королева изъ рода Пястовъ, извѣстна въ исторіи, какъ первая покровительница Польской народности. Замѣчательно, что Чехи въ этой эпохѣ тѣсно связаны въ нравственной дѣятельности съ Польшей; даже памятники Польской письменности, болѣею частію носятъ признаки Чешской. Походы Юанна I прославили Чеховъ въ Италіи, Франціи, Германіи и ры-

царскій духъ поселился въ сердцахъ Чеховъ, Карль I сдѣлалъ Чехію средоточіемъ имперіи и этимъ возвысилъ ея благосостояніе, а съ нимъ и ея значеніе въ Европѣ. Не мудрено послѣ сего, если Чехія получила большое вліяніе на Польшу. Дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что съ сего времени успѣхи просвѣщенія Польши идутъ вслѣдъ за успѣхами Чехіи. За основаніемъ академіи Пражской (1348) послѣдовало основаніе академіи Краковской (1364) за переводами Чешскими священнаго Писанія появились переводы его на Польскомъ языкѣ.

О вліяніи Чеховъ на Польскую письменность Wiszniewsk. Hist. lit. polsk. t. I, 369, объ языкѣ Чешскомъ при дворѣ Литовскихъ князей см. Casopis ces. Museum, 1831, т. III, стр. 280, статья Палацкаго.

Такъ, сознавая свои отношенія къ западу, Чехи и Поляки долго не могли примѣнить условій чуждаго быта къ своему собственному и уже первые въ половинѣ XIII столѣтія, вторые въ началѣ XIV стали проникаться чувствомъ своего значенія въ ряду западныхъ народовъ, стали различать существенное въ образованіи западномъ и временное, внѣшнее подавлявшее ихъ народность. — Такимъ образомъ Словене увлечены были въ сферу двухъ міровъ христіанства, противоположность которыхъ, ими сознаваемая, разобщиала и соединяла ихъ.

Отношеніе къ востоку. Чѣмъ явственнѣе тотъ и другой кругъ обозначались, тѣмъ болѣе исключали себя они, тѣмъ

ощутительнѣе очерчивались зачарованные въ нихъ умы непроходимую, заповѣдною преградою. Но предъ лицомъ челоуѣчества Словене западнаго и восточнаго исповѣданія соединены были однимъ назначеніемъ, однимъ призваніемъ — охранять развитіе его отъ тягостнаго варварства, подавлявшаго невозвратно свободу духа въ его стремленіи къ торжеству надъ неподвижностію массы и тупостью безсознательности. Не горы, не моря, и даже не политическая предусмотрительность ограждали Европу отъ страшныхъ враговъ просвѣщенія, развиваемаго христіанскими народами. Словене разлеглись широкимъ станомъ на необозримыхъ пространствахъ восточной Европы, чтобы замѣнить для нея всѣ препятствія природы. Въ борьбѣ своей съ варварами, они, и упавая даже подъ тяжкое ихъ ярмо, не признавали законности его надъ собою и, служа даже имъ съ рабскимъ униженіемъ, чтили святость своего призванія. Рабоуѣнствуя никогда Сербъ и Русскій не забылъ, что онъ чуждъ Азіатскому побѣдителю, даже тогда, когда перенималъ отъ него внѣшнія формы; борясь — а въ борьбѣ съ варварами участвовали всѣ безъ исключенія Словене — они молили провидѣніе лишь о побѣдѣ христіанства, знаменуясь которымъ Европа торжествуетъ надъ неподвижностію Азіи. Словене остались вѣрными сему призванію и тогда даже, когда, разобщенные двумя сферами просвѣщенія, они изъ соплеменниковъ превратились въ чуждыхъ себѣ, когда въ своемъ сознаніи обрѣли непримиримое противорѣчіе.

Общій
характеръ

Опредѣляя себя въ отношеніи данныхъ мѣст-

просвѣщенія. ностию противоположностей, Словене обоихъ направлений имѣли единственнымъ источникомъ просвѣщенія христіанство, питали нравственныя свои потребности дарами, изливаемыми изъ душевной глубины, очищенной отъ всего земнаго, избранныхъ мужей духовныхъ, этихъ цѣлителей ихъ поминутно терзаемаго политическаго организма, хранителей заветнаго чувства самобытности, безпрестанно оскверняемаго подъ гнетомъ трудныхъ испытаній въ историческомъ развитіи. Удѣльная система, ввергшая Польшу, Чехію и Русь въ бездну мятежей, власть и вліяніе Нѣмцевъ въ Чехіи и Польшѣ, безпрестанная борьба Сербовъ за независимость, вторженіе Монголовъ, грянувшихъ на всѣхъ Словенъ и поработившихъ Русь — вотъ сколько бѣдствій испытано Словенами въ этой эпохѣ и въ этой усобицѣ съ собственными и чуждыми стихіями, гдѣ было средоточіе, куда сливались сердца и души несогласныхъ, останавливаемыхъ въ свободномъ развитіи Словенъ? Конечно не въ понятіи государственнаго единства, еще не сознанныго въ средніе вѣки, не въ общественномъ порядкѣ, непрерывно нарушаемомъ внутренними и внѣшними врагами. Въ религіозномъ чувствѣ, во вліяніи духовенства и его усиліяхъ приводить къ единству разрозненныя стихіи — лежала главная вина и спасеніе Руси и примиренія Чеховъ и Поляковъ съ чуждыми Словенскому духу элементами и кратковременная самостоятельность Сербіи.

Рядъ Святителей Русскихъ есть почти непрерывный рядъ свѣтилъ утѣшительныхъ въ мракѣ про-

шедшаго. Они были отрадными явлениями бѣдной жизни нашихъ праотцевъ, миротворцами князей, заступниками предковъ нашихъ отъ насилій и крамолы. Полевой Ист. Рус. народ. Т. IV. стр. 178—179, срв. 174, Jednosc Polski byla wionzana hierarchia duchowna. Лелевель въ истор. Польши, Ваги 1824, стр. 116: срв. Wiszniew. Hist. lit. Polsk. t. I, стр. 355. Die Gründung eines serbischen, politisch und geistlich selbstständigen Reichs war das Werk, welches die Heiligen Symeon und Sawa mit wundersamer Kraft erstrebt haben. Шафар. Uebersicht der südsl. litt. Wiener Jahrb. t. 53, стр. 45 § 133.

Литература восточныхъ Славянъ. Истекая изъ одного источника, просвѣщеніе въ явленіяхъ своихъ носило однакожъ противоположный характеръ. Нестѣсняемое виѣшними условіями, оно было доступнѣе Словенамъ восточнаго исповѣданія. Сосредоточиваясь въ монастыряхъ, оно изливалось въ понятномъ народу языкѣ, проникало его спасительными словесами и скорѣе пробуждало нравственныя потребности. Какъ ни слабы наши свѣдѣнія о просвѣщеніи Сербовъ и Русскихъ, нельзя думать, чтобы оно, до половины XIII стол. и даже до конца его, было на низкой степени. Письменные памятники, уже открытые и вновь открываемые безпрестанно свидѣлствуютъ о чрезвычайной дѣятельности мужей духовныхъ въ распространеніи его. Писатели XII и XIII стол. отличаются ясностію, простотою не безъ глубины и силы краснорѣчія. Замѣчательно, что древнія рукописи священныхъ книгъ, количество которыхъ теперь довольно значительно, въ изложеніи гораздо свободнѣе и неизуродованы ошибками послѣдующихъ вѣковъ. Чѣмъ древнѣе какой либо памятникъ литера-

туры Словенской, говоритъ Шафарикъ, тѣмъ онъ въ большемъ или меньшемъ объемѣ, по содержанію и по формѣ, оригинальнѣе, естественнѣе, отличается большимъ вкусомъ и богатствомъ мысли, чѣмъ позже, тѣмъ менѣе силы въ словѣ и въ содержаніи. Творенія Кирилла Туровскаго (1132) Никифора (1120), Данила заточника XII (1257), у Русскихъ Словенъ, св. Саввы и Диметіана (1264) у Сербовъ подтверждаютъ вполне это мнѣніе. Не встрѣчая столько препятствій, сколько у Словенъ западныхъ, литература Сербовъ и Русскихъ раньше возникла и свободнѣе развилась. Соединенные съ Византіей однимъ исповѣданіемъ, они не знали ея разврата, отдѣлялись отъ нея языкомъ, сдѣлавшимся имъ общимъ, просвѣщаясь по вліянію ея, они отвергали ея прѣвнія и не нужныя схоластическія тонкости. Безъ сомнѣнія, духовенство, искушенное въ монастыряхъ, гдѣ переводы и переписываніе книгъ были исключительнымъ его занятіемъ, первенствовало, но современныя свидѣтельства лѣтописцевъ доказываютъ, что и свѣтскіе не были чужды высокаго образованія. Не упоминая уже объ указанныхъ учеными мужами свидѣтельствахъ объ обширныхъ свѣдѣніяхъ нашихъ Русскихъ князей, я приведу слова Кирилла Туровскаго, писателя XII стол. Власти свѣтскія и люди въ житейскихъ заботахъ неотступно, говоритъ этотъ святитель, требуютъ книжнаго почитанія и мы (духовные) должны еще болѣе учиться въ книгахъ. Данилъ заточникъ собиралъ разумъ, сладость словесную, по многимъ книгамъ. Не удивительно послѣ сего, что литературная дѣятельность на Руси достигла значительной степени развитія своего въ XII столѣтіи. О

Булгарахъ ничего не знаю. Можно полагать, что непрерывныя войны съ Греками, крестоносцами, Богомилемъ и смѣшеніе съ Волохами остановили здѣсь просвѣщеніе и литературную дѣятельность. Сербія, гдѣ количество монастырей было чрезвычайно велико и гдѣ цари Стефанъ Неманія и его братъ Савва усиленно трудились надъ распространеніемъ духовнаго просвѣщенія, не могла уступить въ этомъ отношеніи Руси, тѣмъ болѣе, что ей принадлежитъ, расадникъ духовной мудрости, Аѳонскій монастырь, Хиландарь. Свободное развитіе просвѣщенія имѣло самое благодѣтельное вліяніе на гражданскій бытъ. Законодательство церковное и гражданское, грамоты, хризовулы писались на языкахъ народныхъ. Такимъ образомъ возникли возвышенная поэзія, убѣдительное краснорѣчіе, правдивое хотя и не искусное бытописание и вмѣстѣ съ гражданскими учрежденіями выразились въ родномъ словѣ. Однимъ словомъ, пока Словене эти въ трудныхъ отношеніяхъ успѣвали сохранить свою самобытность, одолевали тяжкое вліяніе востока, и одушевленное ихъ слово носило печать благородныхъ чувствъ сердца и возвышенныхъ помысловъ благочестія. Но когда Сербія, подъ деспотическимъ правленіемъ своихъ царей, развращенныхъ всѣми пороками Византіи, подверглась внутреннимъ раздорамъ и вскорѣ нападеніямъ Турковъ, когда Россію постигло постыдное рабство, — тогда и письменность утратила всю свою свѣжесть, сдѣлалась бѣднѣе содержаніемъ и стала отвращать смѣшью и сухостию языка. Русскіе почти перестали писать, а Сербскіе духовные превратились въ

льстецовъ, обременяя въ своихъ похвальныхъ словахъ недостойныхъ царей незаслуженными похвалами.

О просвѣщеніи Словенъ вост. исп. см. Maciejow. Historia prawod. Slow. t. I, стр. 276 и 281; неясно и кажется противорѣча сказанному въ исторіи законодат. въ Pamieln. do dz. pism i praw. t. I, стр. 101. О просвѣщеніи въ Россіи Бутковъ: оборона Нестора стр. 163. Максим. истор. древн. рус. словес. 60 и 70. О письменныхъ памятникахъ Словенъ срв. Шафарика въ Uebers. der V. D. d. südsl. litt. Wien. Jahrb. t. 53, стр. 45: In der That bekunden die südslawischen Schrifterzeugnisse im grossen und kleinen, in Materie und Form, je höher hinauf, jemehr Originalität, Natur und Geschmack, je weiter herab, je mehr Verfall des Wortes und des Gedankes. Объ упадкѣ литературы Словенъ ibid. 46. — Гражданскія учрежденія Русскихъ начались Русскою правдой (древн. ркп. XIII стол. изд. въ Русскихъ достоп. 1815) и продолжались судными грамотами до судебника Іоанна III. О грамотахъ и договорахъ древнѣйшихъ см. Maciejow. Hist. praw. Slow. t. I, стр. 245—253. О Булгарскихъ грамотахъ и законахъ древнѣйшихъ упоминаетъ царь Кало-Янъ въ письмахъ къ папѣ 1197 и 1204. Slow. star. Okr. H. Cl. II, § 29 стр. 580 прим. 66. Нынѣ извѣстныя хризовулы Булгарскія начинаются съ XIV стол. см. Булгарскія грам. изд. акад. російской 1841 г. Доселѣ извѣстныя Сербскія грамоты начинаются съ 110 г. Шафар. Uebers. 11 — 15. Сверхъ грамотъ, Сербія имѣла писанные законы, собранные ц. Душаномъ въ 1346, древн. ркп. 1390 г. Es ist klar, dass Duschans Gesetzgebung nur eine Rekapitulation älterer Verordnungen und Gebräuchen ist, mit Hinzufügung einiger neuen Artikel. Шафар. Uebers. стр. 35. — Каноническое право было общимъ Русскимъ, Сербамъ и Булгарамъ. Вѣроятно, оно началось частными постановленіями (какъ

и пр. уставъ Святосл. Ольгович. 1137 и проч.), заимствованными у Грековъ. Кормчія книги, составленныя большею частию по помоканонамъ Іоанна схоластика и Фотія, появляются съ XIII стол. Въ Типиконѣ св. Саввы Сербскаго упоминается помоканонія между 1210 и 1215 г. Древнія кормчія, хотя и заимствованы у Булгаръ еще не найдены у нихъ и у Сербовъ. Русскіе имѣютъ двѣ древнѣйшія ркп. кормчей 1282 и 1284 годовъ. У Сербовъ и Булгаръ дѣйствовалъ Правильникъ (Synagma) Матвея Властара съ самаго XIV стол. Шафар. Uebers. стр. 35.

Остановленная въ своемъ развитіи лит. Слов. вост. исп. неизмѣнилась въ духѣ. Постоянно выражая потребности своего времени, бывъ зеркаломъ сознаваемыхъ Словенами въ данныхъ отношеніяхъ задачъ просвѣщенія, она, во всѣхъ своихъ фазахъ, свидѣтельствовала объ одной истинѣ. Значеніе ея всегда опредѣлялось отношеніями, въ которыхъ развивалось сознание народовъ Словенскихъ. Отдѣлится себя отъ вліянія востока глубокимъ чувствомъ христіанства, питать его просвѣщеніемъ, заимствованнымъ — непосредственно одинакожъ — у Византіи, перелить его въ слово, и этимъ опредѣлится свою самобытность въ отношеніи къ западу — вотъ общіе признаки просвѣщенія Словенъ въ этой эпохѣ. Истинны вѣры въ животворныхъ источникахъ свѣщ. книгъ были ему основаніемъ. Изъ нихъ изливалось во времена самобытности краснорѣчивыя слова; ими питалось бытописаніе и ими одушевленная поэзія звучала громкую побѣду на поганыхъ; во времена бѣдственныхъ, онѣ утѣшали сердца и пробуждала въ посланіяхъ не напрасную надежду лучшихъ временъ. Теряя цвѣтъ свой, литер. не потеряла значенія свое-

го, измѣняясь даже въ языкѣ, не переставала выражать постоянной потребности народовъ, опредѣлить свою индивидуальность сознаниемъ религіи въ данныхъ отношеніяхъ. Какъ ни различна была сила обнаруживаемая въ памятникахъ лит. этой эпохи, какъ ни неизмѣнялся языкъ, — духъ литерат. Сербовъ и Русскихъ, — съ половины XI до конца XIV ст., неизмѣненъ, какъ неизмѣнны были отношенія, въ которыя они были поставлены. Всѣ писатели и тѣ, которые проникнуты большею энергіей и тѣ, которые ослабляли подъ гнетомъ необходимости, и образцовые и бѣдные мыслями, стремятся выразить одну истину, носятъ одно знамя религіознаго чувства.

Литературная дѣятельность Словенъ западнаго исповѣданія. Западные Словене должны были сперва покориться всѣмъ условіямъ, опредѣлявшимъ необходимость европейскаго просвѣщенія въ средніе вѣки. Не бывъ въ состояніи противопоставить ему свое родное, богатое содержаніемъ, они безсознательно подчинялись вѣщному, вносимому вліяніемъ папизма и германизма. Духовенство, продолжительное время состоявшее изъ иностранцевъ, отвѣчая своему призванію — примирять слишкомъ рѣзкія противорѣчія въ политическомъ мірѣ, долго не примиряло непосредственныхъ противоположностей языка чуждаго и языка народнаго, необходимости христіанскаго просвѣщенія съ народною индивидуальностью. Оно требовало безусловнаго принятія не только идеи имъ исповѣдуемой, но и конечной формы, однообразіе которой замѣняло имъ полноту содержа-

нія. Языки народныя были для нихъ проводниками къ язычеству, потребность заключить вѣчныя истины во внятныя формы страшила ересью. Главы народа, непосредственно сознавая свои отношенія къ германисму, первые доказывали необходимость условнаго просвѣщенія своего вѣка, постояннымъ и почти умышленнымъ пренебреженіемъ роднаго, своего. Такимъ образомъ Латинскій языкъ и даже Нѣмецкій сдѣлались выраженіемъ общихъ потребностей просвѣщенія. Родныя Чешскій и Польскій едва заслуживали вниманія, едва почтены были достойными облекать сознание въ высшей сферѣ человѣческаго духа. Кромѣ слабыхъ и неудачныхъ попытокъ образовать письма по образцу Латинскому и Германскому, кромѣ вынужденныхъ и рѣдкихъ стараній дать языкамъ народнымъ право гражданства въ литературѣ и кромѣ народной поэзіи, болѣе и болѣе умолкавшей предъ прозаической необходимостью общественныхъ отношеній, до половины XIII столѣтія господствуетъ Латинскій языкъ съ совершеннымъ пренебреженіемъ народныхъ. Училища, основанныя епископами съ самаго распространенія католицизма у Чеховъ и Поляковъ, дали сему языку значеніе необходимости и первенство.

Duchowni od obcych przybyli narodów, lat sto utrzymując szkoły (въ Польшѣ) i uczyć tylko języka łacińskiego, już to przez uprzedzenie, już to przez wzgardę narodu, powrócié do balwochwalstwa lub przyjac, reforme (?) Fociusza skłonnego, starac się mogli wszystkie dawne pomniki krajowego języka w niepamięci zagrzebac i samymże narodóm ich język za dziki, barbarzyński i pogański wystawic. Rakowiecki, Prawda Ruska

t. I, стр. 74. Długi przeciong czasu, zaden z rodakow dla nowowprowadzonego języka, niemogl bydz ani kaplanem, ani urzédnikiem, ani dziejopisem, ibid. 72. Neben der böhmischen wurde die lateinische als diplomatische und bald auch die deutsche zuerst als die Sprache der Handwerker und Künstler, dann aber als die der höheren Kreise eingeführt. Шафарикъ въ Ersch und Grubers Encykl. буква CZ. стр. 442. Письмена изобрѣтены, какъ полагають, нѣмецкими монахами. Первую попытку составить азбуку Словенскую по образцу Нѣмецкой и Латинской видимъ мы въ Фрейзингск. ркп. X ст. Есть показанія, что миссіонеры Нѣмецкіе, Мерзебургскіе епс. Бозо (971) и Вернеръ (1101) и Ольденбургскій епс. Бруно (1158) писали Латинскими буквами на одномъ изъ Словенскихъ нарѣчій. Въ Чехіи, гдѣ, по всей вѣроятности, кирилловская и глаголитская азбуки долго были въ употребленіи, стали писать Латинскими буквами уже въ X стол. Но орфографія Чешская была весьма шатка до Гусса, который далъ ей постоянныя правила. Поляки переняли письма у Чеховъ, примѣнивъ ихъ къ свойствамъ своего языка. срв. Масіеј. Pamie. t. II. стр. 25, 26 — гдѣ противное сему высказано мнѣніе.

Съ половины XIII столѣтія, памятнаго бѣдствіями Русскихъ Словенъ, Чехи, а за ними и Поляки, усвоивъ себѣ данныя формы условнаго просвѣщенія, мало по малу водворяють письменность свою въ его сферу. Сознавши яснѣе свои отношенія и свое значеніе въ ряду западныхъ народовъ, они силились выразить ихъ и въ литературѣ своей, народной. Преимущественно Чехи, среди явныхъ насилій своей народности, въ самомъ противорѣчій чуждаго и своего воспитали жажду, любовь къ родному. Подъ гнетомъ чужеземнаго подавленная народность получила, такъ сказать, свою упру-

гость, отвергавшую впоследствии съ такимъ упорствомъ и напистмъ и германисмъ. Защитники національности съ жаромъ и извинительной ненавистью возстали противъ Нѣмецкаго вліянія. Уже въ концѣ XIII столѣтія безименный лѣтописецъ (Далимиль?), поставляя Нѣмцамъ всѣ народныя бѣдствія въ укоръ, призываетъ согражданъ къ охраненію родныхъ, завѣтныхъ сокровищъ національности (Zwol sweho jazyka sizeho peshay!) Неудовольствія, негодованіе за попранную народность подвинули наконецъ незабвеннаго для Чеховъ Карла I къ возвышеннымъ усиліямъ дать народному языку, языку, по словамъ его, благородному (nobilis lingua) всѣ права гражданства въ цѣлой сферѣ просвѣщенія. Съ тѣхъ поръ, именно съ XIV столѣтія, Чешская литература не одни только легенды и народныя пѣсни поставляетъ на видъ внимательному ея изслѣдователю. Проповѣди, исторія и наконецъ законы облеклись въ Чешское слово. Съ основанія академіи Пражской, — гдѣ краеугольнымъ камнемъ всему ученію поставлено было богословіе, среди споровъ за схоластическія опредѣленія, умы стали освобождаться отъ обаянія, которымъ окружалъ ихъ католицизмъ. Потребность церковной реформации, пробудивъ въ Чехахъ противорѣчіе написанію, обратила вниманіе на народный языкъ. Еще до появленія Гусса были у нихъ проповѣдники, словомъ которыхъ подвинутой народъ возымѣлъ лучшія понятія о своихъ религіозныхъ обязанностяхъ. Іоаннъ Милчъ (1367), Матвей изъ Янова (1394), Чешскими проповѣдями своими, дали почувствовать ему потребность непосредственнаго знакомства съ вѣрою и проложили путь къ реформации Гусса. Поляки

послѣдовали Чехамъ, перенимали у нихъ письмена, передѣлывали съ ихъ языка нужныя книги и вообще соревновали ихъ любви къ народному, въ распространеніи самобытнаго просвѣщенія. Высшее духовенство съ XIII столѣт. стало оказывать болѣе вниманія къ языку народному, школы допустили наконецъ его въ нѣдра свои.

Первые слѣды попеченій о Польскомъ языкѣ находимъ въ XIII стол., именно въ 1257 г. положено гнзненскимъ архіепископомъ Пелкой — принимать учителей Поляковъ, не Нѣмцевъ, и толковать Латинскихъ авторовъ по-польски. Тоже положено въ 1282 г. Въ 1303 г. синодъ постановилъ держать учителей при церквахъ ad conservacionem et promotionem linguae polonicae: — грамоты Чеховъ и Поляковъ писались по Латини. Лишь съ концемъ XIV столѣтія появились у Чеховъ грамоты на народномъ языкѣ, именно гр. гг. 1306, 1393 и 1395 и наконецъ собраніе Чешскихъ постановленій Андрея изъ Дуба. Нѣкоторые относятъ еще къ XIV стол. переводъ на Чешскій языкъ Саксонскаго зеркала (Sachsenspiegel).

Такимъ образомъ съ половины XIII столѣтія возникаютъ Чешская и, съ концемъ его, Польская литературы. Борясь съ Латинской, онѣ силились похитить ея содержаніе, доказать, что выражаемое ею можетъ быть облечено въ формы народныя. Перенимая содержаніе у Латинской, начавшейся съ самаго введенія католицизма и, продолжаясь рядомъ съ ней, онѣ представляютъ характеръ цѣлой эпохи. Вся эта эпоха, начавшаяся съ Латинью и постепенно знаменуясь народнымъ языкомъ, выражаетъ постепенное сознаніе виѣш-

нихъ, прививаемыхъ Словянамъ западнаго исповѣданія, началъ просвѣщенія и стремленіе освободить себя отъ стѣснительныхъ оковъ его, что повело впоследствии къ реформѣ Гусса.

Обозрѣніе литературы Словенской. Обозначивъ характеръ эпохи по отношеніямъ, въ которыхъ развивалось просвѣщеніе, обращаюсь къ литературѣ, отразившей всѣ главные моменты нравственной жизни Словенъ. Всѣ памятники словенской литературы этой эпохи можно отнести къ 3-мъ категоріямъ 1) догматической и дидактической прозѣ, 2) исторіи, и наконецъ 3) къ поэзи.

Словене восточн. исповѣд., потребность просвѣщенія которыхъ удовлетворялась непосредственнымъ уразумѣніемъ его источника, начали распространеніемъ книгъ священныхъ, недоступныхъ вполнѣ Словенамъ западн. испов. Переводы, списки, примѣненные къ мѣстнымъ нарѣчіямъ главныхъ священнаго писанія частей, были первымъ условіемъ просвѣщенія. Посему въ этой эпохѣ распространеніе ихъ и примѣненіе къ частнымъ потребностямъ есть самый общій признакъ ея характера, которымъ она соединена въ предыдущей и вмѣстѣ признакъ отличія Слов. вост. исп. отъ Слов. западн. исп. Обращая вниманіе на эти драгоценные памятники нашей литературы, можемъ замѣтить относительно языка ихъ, что хотя онъ имѣлъ собственно основаніемъ церк. Слов., подвергался однакожъ съ самаго XI стол. вліянію образовавшихся уже народныхъ нарѣчій. Языки Сербскій,

Русскіе на сѣверѣ и югѣ напечатлѣли въ немъ свои особенности. Въ этомъ отношеніи можно раздѣлить древнія рукописи на четыре рецензіи, смотря по признакамъ нарѣчій въ нихъ находимыхъ.

Главнѣйшія суть:

Булгарская рецензія, рк. кромѣ вышепоказанныхъ: псалтирь XIII стол. (рк. Г-на Норова) евангеліе XIII (рк. Г-на Норова), стихирарь XI или XII стол. (рк. эрмит. библиот.?) Сюда, кажется, можно отнести списокъ пяти-книжія Мойсея 1136 (I. X. мд.) не дошедшій до насъ въ современномъ своемъ видѣ см. I. Э. Б. стр. 97 пр. 37, отрывокъ монолога XII ст. (рк. Шафарика).

Сербскія рукописи; ихъ примѣты: смѣшеніе буквъ *и* и *ы*, *ъ* и *ь*, замѣна *ъ* и *ь* буквою *а*, замѣна *л* буквою *е*, Я буквами *оу*, *о*, *об* *ом*, замѣна буквы *ѣ* - *у*, *г*, и *н*, употребленіе вмѣсто *жд*, - *dj*, *t*, вмѣсто *щ* и *шт* - *t*, и вмѣсто *и* и *ѵ* буквы *оу* и *у* см. Safar. Serbische Lesekörner, стр. 46. — Евангеліе XIV стол., (Вен. библ.), евангеліе XIV стол. съ буквою *t*, (*dj*) (въ Николаевскомъ м. въ Сербіи), Апостолъ XIV стол. (въ монаст. Шишатовичъ), Тріодъ XIV стол. (рк. Г. Норова); къ Сербской рецензіи отношу памятники глаголитскіе, какъ то: псалт. Николая Арбенскаго 1220, евангеліе Ассеманіево въ Римѣ XIII стол. См. Dobrowsky Institutiones linguae Slav. стр. 688.

Сѣверо-русскія ркп.; ихъ примѣты: употребленіе вмѣсто *щт* - *ш*, вмѣсто *л* - *іа*, и вмѣсто *ін*: *оу* — евангеліе Метиславова 1132 (Москв. архан. собора) еванг. 1164 (Румянцова музея) см. Калайд. I. Э.

Болг. стр. 110 пр. 67 и 68, еванг. 1164 г. (въ Рум. библиот.), еванг. 1230 (ркп. Им. п. б.), и еван. 1270, 1307 г. 1358. — См. I. Э. Б. ст. 28.

Южно-русские ркп.; примѣты: употребленіе вмѣсто *y* буквы *e*, наприм. вченикъ, навчи — еванг. такъ наз. Крыловское 1144 г. (Синод. библ.) см. I. Э. Б. стр. 104 прим. 14, ев. Ганкенштейново XIII стол. (Венс. библ.), часть псалтиря XI стол. (ркп. Шафарика), чтенія изъ евангелія XIV стол. (ркп. Бодянского м. въ Венгріи) — ркп. этой рецензии были въ употребленіи въ Черной Руси, Венгріи и Украинѣ; см. Шафарика Uebers. der vorzügl. Denkm. der südsl. lit. Wien. Jahrb. der lit. t. 53, стр. 21 § 55.

Вмѣстѣ съ священнымъ писаніемъ появляются его объясненія и толкованія; впрочемъ кромѣ псалтирей толковыхъ, кажется, въ этой эпохѣ мало еще было переводовъ сего рода сочиненій, оригинальныхъ же произведеній во все иѣтъ.

Памятники: Толкованіе книги Бытія есть шестодневъ, переведенный или передѣланный съ бѣсѣдъ Василія великаго I. Э. Болгарскимъ ркп. 1263. Москов. синод. библиот. см. Кал. I. Э. Б. стр. 59.

За толкованіями послѣдовали, также въ переводахъ, сочиненія, обнимающія цѣлый кругъ богословскаго ученія. Иоаннъ Дамаскинъ и Діонисій Ареопagitъ, первый по своей ясности, второй, по своей мистикѣ, занимали нашихъ духовныхъ уже въ этой эпохѣ.

Памятники: Діонисія Ареопгита Небесное чиноначаліе переведено 1371 г. Исаемъ Сербомъ. Переводъ I. Дамаскина богословія приписываютъ Иоан. Болгарскому, ркп. XII и XIV стол. Калайдовичъ I. Э. Б. стр. 26 Шафарикъ Uebers. der vorzügl. Denkm. въ Wiener Jahrb. d. Lit. t. 53, стр. 29, § 80. Сюда можно отнести также Никона Черноризца Тактиконъ ркп. 1397.

На основаніи сего даннаго, появились труды съ цѣлью примѣнить ученіе къ жизни, показать его необходимость въ жизни по отношенію къ идеи христіанства. Здѣсь заключаются многочисленные памятники догматическаго краснорѣчія, выраженнаго въ прологахъ, словахъ, поученіяхъ, притчахъ. Еще простое, отрывистое въ поученіи Луки Жидяты (XI стол.), краснорѣчіе возвышается въ исполненныхъ силы и убѣжденія словахъ Кирилла Туровскаго (XII стол.) до замѣтнаго искусства выражать свои мысли и дѣйствовать на слушателей. Сверхъ произведеній этихъ двухъ святителей, время сохранило еще поучен. в. к. Владиміра мономаха, дополняющее собою не досказанныя лѣтописцами извѣстія о современныхъ событіяхъ, и нѣсколько поученій, переведенныхъ, вѣроятно, южными Словенами. Прологи встрѣчаются при синаксарахъ, минеяхъ и заключаютъ поученія съ примѣненіемъ къ жизни показаннаго святаго.

Слова и поученія. *Памятники:* поученія Луки Жидяты XI стол., Русские достоп. 1815 г. стр. 6 — 15-ть словъ Кирилла Туровскаго (1182) см. памят. XII стол. изд. Калайд. — Слово на вшествіе, приписываемое Иоан. Экз. Болгарскому; см. I. Э. Б. стр. 174. — Поуче-

ніе Мономахово изд. особо 1793. Сюда отнесу слова постническаго Закхя, ркп. XIV и поученія недѣльные ркп. 1348. — Слова Меодія еп. Патарскаго ркп. XIV или XV стол. Собственно, сюда можно отнести шестодневъ I. Э. Болг., упомянутый подъ ст. *толкованія*.

Сказанія и притчи. Параболы встрѣчаются уже въ 14 и 15 словахъ Кир. Туровскаго. Переводъ Параболъ Іоанна Дамаскина сдѣланъ въ XIV стол. Шаф. *ibid.* 29.

Прологи. Прологъ XIII стол. Имп. библиот. см. Кал. I. Э. Б. стр. 91 примѣч. 10. Прологъ XIII стол. въ библиот. духовн. москв. типографіи № 9.

Поученія и слова заключали въ себѣ истины, всеобщность которыхъ обнимала всѣ задачи просвѣщенія, ограничиваемаго современною потребностію и относились къ цѣлому обществу. Кругъ ихъ обнималъ всѣхъ и всякаго. Частныя потребности, возбуждаемыя случаемъ или особенными отношеніями, выразились въ посланіяхъ. Посланія нашихъ пастырей были въ этой и въ слѣдующей эпохѣ исключительнымъ органомъ вразумленія въ задачахъ представляемыхъ обстоятельствами времени. Онѣ или заключали въ себѣ уясненіе обязанностей въ извѣстныхъ случаяхъ жизни, или указывали на признаки, которыми развиваемое въ данной сферѣ просвѣщеніе знаменовалось. На вопросъ, *како отвержена была Латина*, предложенный Владиміромъ мономахомъ отвѣчали ученые Греки Никифоръ и Іоаннъ, митрополиты рускіе, первый съ свойственною ему схоластическою тонкостію и рѣзкостію, второй, обращаясь къ папѣ, умѣренно и безъ

укоризнѣ. Въ этихъ посланіяхъ, писанныхъ хотя и Греками, еще не видно полемическаго духа. Полемика въ мірѣ словенскомъ развилась съ началомъ XV стол. Извѣстно, что пастыри Русскіе до начала сего столѣтія удаляли отъ себя всѣ споры и толки по поводу католицизма и возлагали ихъ на патриарховъ. Съ рѣшительными притязаніями католицизма, они перемѣнили свою роль. Но это относится къ слѣдующей эпохѣ. Примѣчательнѣйшимъ почитается посл. упомянутаго митроп. Никифора Грека, изъяснявшаго в. к. Владиміру мономаху въ подобіяхъ и тонкихъ умозрѣніяхъ необходимость поста. Посланіе Симона, заключающа въ себѣ увѣщаніе обращенное къ монаху Поликарпу, исполнено благочестія и доказываетъ возвышенное чувство уваженія къ матери Русскихъ городовъ, Кіеву и его свят. Софіи. Во время удѣльныхъ смуть и Татарскаго порабоженія въ посланіяхъ отразилось высокое призваніе пастырей, смирять неразумную брань князей, пробуждать среди бѣдствій, ввергавшихъ въ отчаяніе, надежду свободы. Таковы посланія Кирилла Бѣлозерскаго (ж. въ XIV и начал. XV стол.)

Памятники: Посланіе митрополита Русс. Никифора (XII стол.) къ в. к. Владиміру мономаху въ Калайд. памят. XII стол. стр. 157 и посланіе Іоанна митрополита русс. къ Александру III папѣ, *ibid.* Еще извѣстно посланіе Ѳеодосія Печерскаго о Варяжской вѣрѣ. Посланіе Симона Влад. епископа *ibid.* стран. 249. Посланіе Никифора митрополита Русскаго въ Русіи достп. 1815 г. стр. 613. — Посланія Кирилла Бѣлозерскаго (+1427) см. ист. Рус. іерархіи т. IV стр. 403 — 402. Въ Москов. синодальной биб-

лютекъ хранятся посланія упомянутого Никифора митроп. русс. (XII стол.), Θεодосія (+1120), Кирилла еп. Туровскаго (XII стол.) Симона еп. Владимірскаго (XII), Василя архіеписк. Новгородскаго (XIV стол.) о раѣ, исполненное сказочности и напечат. въ древнемъ лѣтотисцѣ русскомъ 1774 ч. I. стран. 183 — 189, Θεогноста, митропол. Кіевскаго XIV, Алексѣя митропол. всеросс. XIV.

Прозу догматическую заключаютъ частныя опредѣленія, выразившія значеніе круга, изъ средоточія котораго — изливались струи условливаемаго потребностями эпохи просвѣщенія. Это правила и наставленія, обращенныя къ монашествующимъ.

Памятники: Правила Іоанна митроп. Р. (XII ст.) Русскія достопамят. стр. 89. — Правила митрополита Кирилла (1274) Русс. достопамят. стр. 164. — Правила по случаю вопросовъ Кирика, пам. рос. сл. XII 173. — Тучиконъ св. Саввы XII стол.

Словене западнаго исповѣданія. Съ водвореніемъ католицизма, Словене подчинились всѣмъ условіямъ, которыми онъ въ продолженіе среднихъ вѣковъ опредѣлялъ христіанство. Не только безусловное принятіе Латини, но и ограниченіе свободы непосредственнаго уразумѣнія свящ. истинъ стѣсняло письменность Словенскую. Запрещеніе папъ, особенно Иннокентія III (1199 г.), переводить, кромѣ псалтирей, книги св. писанія, знакомитъ народы непосредственно съ его истинами, было причиной, что письменность Словенская въ этой

эпохѣ долго почиталась недостойною замѣнить Латынь и уже въ послѣдствіи усилившаяся съ развившимся просвѣщеніемъ нравственная потребность возвратила языкамъ свои права. Проза Чеховъ и Поляковъ въ этой эпохѣ чрезвычайно бѣдна памятниками. Поученія и даже исторія писались стихами. — Обозрѣвая всю эту область литературы, возникшей въ XII стол., мы замѣчаемъ слабыя усилія познакомиться съ нѣкоторыми книгами св. пис.; ревностное желаніе удовлетворить религіозному чувству молитвенниками, потребность уразумѣть исповѣдываемыя въ сферѣ своей догматы (аскетика) и сознать ихъ истину въ примѣненіи къ дѣйствительности (дидактика). Чешская литература представляетъ памятники въ четырехъ этихъ отношеніяхъ, которыми опредѣлялось все развитіе сознанія Словенъ западныхъ въ религіозной сферѣ.

Памятники: Изъ священнаго писанія въ переводѣ Чешскомъ первою книгой былъ Псалтирь, ркп. XIII стол. Dobrowsky, Gesch. der Böhm. Lit. 1818, стр. 118 и рк. XIV стол. (1396 г.); къ концу XIV стол. принадлежатъ переводы Евангелія, о которомъ упоминается въ 1381, *ibid.* 142; извѣстныя рукописи 1) Вѣнской библиотеки 2) неполная въ Прагѣ, *ibid.* 184 и 186, также переводы пророковъ Исаи, Іеремія, Давида и апокрифическаго евангелія Никодима.

Молитвенники (Hodiny) встрѣчаются очень часто; *ibid.* 170 — 175.

Къ аскетикѣ отношу все ученіе, развиваемое непосредственно изъ догматовъ: 1) замѣчательно писмо, посланное съ неба о церквн. десятинахъ (рк.

XIII стол.); 2) аскетическія поученія XIII стол.; 3) переводъ зеркала св. Августина; 4) завѣтъ патриарховъ.

Подъ дидактикой разумѣю здѣсь преимущественно примѣненіе ученія къ дѣйствительности, выказываетъ ли оно, положительно, совмѣстность его съ послѣдней, или, отрицательно, доказываетъ противоположность ея съ ученіемъ. 1) Памятники всѣ XIV в. 1. замѣчательно въ семь отношеній соч. подъ загл: Kterak magi vseikny skutky sposobeny byti (какимъ образомъ должны направляться дѣйствія чело-вѣка), рк. XIV стол. 2) соч. подъ загл. Mudrcy (Философы) заключаетъ изрѣченія философовъ; 3) Elucidarius о твореніяхъ Божіихъ; 4) христіанское поученіе дѣтямъ Оомы Ститнаго +1399; 5) весьма любопытный разговоръ смерти съ бѣднякомъ, подъ заглавіемъ: *Ткадлечекъ*, изд. Ганкою, въ 1823 году, въ Прагѣ. Оба соперника препираются, приводя цитаты изъ свѣщ. писан. и древнихъ философовъ. Поводомъ къ этому спору была прежде-временная смерть жены несчастнаго Ткадлечка. 6) Наконецъ, какъ выраженіе усилившихся въ католической церкви противорѣчій, рѣшенныхъ І. Гуссомъ, въ высокой степени любопытно сочиненіе предшественника его и современника Виклефа, Іоан. Милча (+1374). О *zarmisencich velikich cerkwi swate* (о великихъ печаляхъ святой церкви).

Поляки, безъ сомнѣнія, заимствовавъ у Чеховъ письменность, не выразили въ словѣ, даже столько сколько первые успѣли въ выраженіи нравственныхъ своихъ потребностей. Памятники, дошедшіе до насъ — суть переводы псалтыря и молитвенниковъ.

Вишневскій въ своей ист. лит. польской т. I стр. 415 предполагаетъ, что эти переводы сдѣланы, первый съ церковно-словенскаго языка, второй съ Чешскаго. *Iako poezia polska objawila sie naprzod w piesniach nabożnych z czeskiego tłumaczonych i psalterzu, który może był tłumaczony z slowianskiego, tak proza polska wraz z czesko dopiero w XIV w. rozwijalasia, może także z czeskiego tłumaczonych księgach religijnych.* Впрочемъ о существованіи другихъ книгъ, особенно во времена Ядвиги королевы, Вишневскій приводитъ свидѣтельство Длугоша т. I, кн. X, стр. 1161.

- 1) Псалтыря двѣ ркп., одна состоящая изъ двухъ частей разныхъ столѣтій XIII и XIV и издан. въ Вѣнѣ Борковскимъ 1834 г. Другая принадлежала королевы Ядвигѣ XIV стол.
- 2) Молитвенникъ королевы Ядвиги XIV стол.

Исторія. Начавшись тамъ, откуда изливалось просвѣщеніе въ обители духовныхъ мужей, исторія была направляема понятіями, выраженными въ предъидущей области. Ея характеръ уже предопредѣленъ въ этой области. Лѣтописецъ, обыкновенно монахъ, понималъ происшествія въ духѣ, внушенномъ ему въ его сферѣ, гдѣ измѣривались всѣ явленія нравственнаго міра непосредственнымъ отношеніемъ къ религіозному чувству сего времени. Поставивъ первымъ долгомъ извлекать изъ происшествій поученія о судьбахъ Божіихъ, имѣя всегда въ виду церковь, онъ записывалъ въ свои скрижали библейскія повѣствованія, слегка касался временъ языческихъ, почерпая свѣдѣнія изъ темныхъ народныхъ сказаній, часто давалъ имъ противоположный харак-

теръ, останавливалъ особенное вниманіе на эпохѣ введенія христіанства и наконецъ рассказывалъ былины, которыхъ современники еще жили, и которыхъ самъ былъ свидѣтелемъ. Продолжатель его не замедлилъ вставить свое въ рассказъ предшественника, переписать или исправить, смотря по предполагаемой цѣли. Въ такомъ духѣ лѣтописи Словенъ вообще. Раздѣляясь однакожъ двумя религіозными направленіями по двумъ противоположнымъ отношеніямъ, лѣтописцы напечатлѣли и своимъ бытописаніемъ признаки ихъ отличающіе. Словенинъ в. исп. слѣдуетъ Византіяцамъ, замѣчаетъ у нихъ все, что не касается до лѣтописи его народа; Словен. з. исп., выражаясь испорченною Латынью, или, какъ въ концѣ сей эпохи, на природномъ языкѣ, въ стихахъ, выказываетъ знакомство свое съ уцѣлѣвшими отъ всемірнаго потопа варваровъ Римскими историками. Первый простъ, незатѣйливъ, добросовѣстенъ, но за дѣлами относившимися къ церкви, забываетъ дѣла сего міра, обильный въ поученіяхъ, ставитъ по-годно обнаженные происшествія, предоставляя критикѣ доискиваться ихъ сцѣпленія въ необходимой послѣдовательности причинъ и послѣдствій, тѣмъ не менѣе рассказывалъ со всею подробностію и касается отдаленнѣйшаго времени. Второй, отличающійся проникательнѣйшимъ взглядомъ на современныя ему событія, за настоящимъ забываетъ древность, различаетъ однакожъ мѣръ отъ дѣйствительности (Космасъ), или затѣмняетъ ее въ причудливой смѣси заученныхъ у Юстина сказаній съ народными преданіями (Матвей герба Холева и Кадлубекъ), или изъ патриотизма оставитъ частный случай, иногда даже этимоло-

логическую догадку въ рядъ дѣйствительныхъ приключеній (Далимилъ).

О Русскихъ лѣтоп. Полевой, истор. русск. нар. т. I, стр. LV—LXX; срв. также Погодина, Несторъ стр. 223.

О Сербскихъ: — замѣчанія Шафарика, въ его Uebers. der vorzügl. Denkmäler der südslav. Litt. въ Wiener Jahrb. der Litt. t. 53. стр. 45 и 51.

О Чешскихъ лѣтописяхъ: Palacky, Würdigung der Böhmischn Geschichtschreiber, Prag. 1830, стр. XII—XIII и стр. 21, 25, 35 и 119.

О Польскихъ лѣтописяхъ: Golembiowski o dziejopisach polskich, Warszawa, 1826, стр. 5—12; срв. Wisniewski hist. litt. Polsk. t. II, стр. 2—151.

Въ отдѣлъ исторіи должны войти: во первыхъ, лѣтописи народныя и такія, которыя тогда замѣняли всемірную исторію; дальше — жизнеописанія знаменитыхъ святостию и мірскими подвигами мужей, наконецъ описанія мѣстностей.

Словене восточнаго исповѣданія. Русскія и Сербскія лѣтописи имѣютъ одинъ образецъ, Византіяцевъ, и ведутъ рассказъ въ одномъ духѣ и одномъ направленіи. Основаніе Русскому лѣтописанію положилъ Несторъ (1056—1116), доведшій свое повѣствованіе до начала XII стол. (1113 г.) Бытописаніе, начатое Кіевскимъ инокомъ продолжали лѣтописцы, имена которыхъ или мало или вовсе неизвѣстны. (Василій, Симонъ, Іоаннъ? и проч.) Они, то замѣняли раз-

сказъ его собственнымъ и помѣщали различныя сказанія объ одномъ и томъ же предметѣ: (какъ въ Кенигсбергск. л. довед. до 1206), то сосредоточивали свое повѣствованіе къ одной и той же области (Ипатьевская, Хлѣбниковская, Новгородск. л., гдѣ Волинь, Кіевъ, и Новгородъ главн. предметъ повѣств.), то наконецъ сокращали его (IV? томъ лѣт. изд. арх. ком.). Начинаясь выписками изъ Византійцевъ, лѣтописи Русскія переходятъ къ общимъ сказаніямъ о Словенахъ, останавливаются на времени перевода св. книгъ, времени царя Михаила, съ коихъ поръ *ставятъ числа лѣтъ*, рассказываютъ Словенскія, и въ частности Русскія были и наконецъ переходятъ къ повѣствованію о современныхъ имъ событіяхъ. Разсказъ, заимствованный у Византійцевъ, сказанія и современныя повѣствованія, вотъ три примѣчательныя отдѣла Русскихъ лѣтописей. Первый имѣетъ источникомъ лѣтопись Георгія Гамартола, жившаго въ IX столѣт. Сказанія основываются на преданіяхъ, глухо носившихся еще во время Нестора въ цѣлой Словянщинѣ, преданіяхъ, относящихся исключительно къ Русскому племени и, наконецъ, на свидѣтельствѣ письменномъ и изустномъ, переданномъ современниками происшествія. Повѣствованіе въ этой эпохѣ, хотя подвергалось вставкамъ и измѣненіямъ, гораздо проще, чѣмъ въ слѣдующей, въ которой витѣватость и умышленное распространеніе ошутительнѣе.

Объ источникахъ Нестора: труды общест. любит. древност. россій. т. IV, книг. I. стр. 167, 183. Сказанія Нестора о пребываніи Словенъ на Дунаѣ, о Волохахъ, Обрахъ, принадлежатъ къ обще-сло-

венскимъ преданіямъ Saf. Slov. star. Okr. I. Cl. II, § 114, стр. 196 стр. Разсказъ о Кіѣ, Лячбеди, Радимѣ, Вяткѣ вѣроятно общій Русскимъ и Польскимъ Словенамъ. Сказанія Варяжскаго періода г. Погодинъ раздѣляетъ на десять отдѣльныхъ повѣстей: 1) завладѣніе Олега Кіевомъ; 2) походъ Олега на Царьградъ; 3) смерть Олега; 4) мсть Ольги Древлянамъ; 5) обстоятельства крещенія Ольги; 6) хитрость Претича; 7) обстоятельства войны Святослава въ Булгаріи; 8) поединокъ Русскаго богатыря съ Печенегомъ; 9) осада Бѣлгорода; 10) обстоятельства взятія Корсуня. Несторъ 175 — 195. Срв. Полеваго истор. Русс. народа т. II, стр. 266 — 270. О монастырскихъ запискахъ Погодина, *ibid.* 92 и нѣсколько иначе г. Бутковъ оборона Нестора 210.

Сербскія лѣтописи начинаютъ свое повѣствованіе сотвореніемъ міра или введеніемъ Словенскаго богослуженія, или наконецъ Белей Урошемъ, возстановителемъ Сербской независимости. Онѣ доселѣ неизслѣдованы. Первымъ извѣстнымъ составителемъ временника у Сербовъ былъ архіеп. Данилъ 1338. Подобно Нестору, онѣ имѣлъ продолжателей, которые вставляли и измѣняли подлинный текстъ его сочиненія. *Родославъ* Данила повѣтствуетъ до 1337 г. и заключаетъ преимущественно жизнеописанія Сербскихъ королей и архіепископовъ. Напыщенность похвалъ и утомительный разсказъ—отличительное свойство позднѣйшихъ лѣтописей Сербскихъ.

Шафарикъ *ibid.* 50, 52, 55. О существованіи Булгарскихъ лѣтописей мы узнаемъ изъ письма короля Кало-Яна къ папѣ гг. 1197 и 1204: *sicut in*

libris invenimus inquisivi in antiquorum nostrorum scripturas et libros et leges. Saf. Slov. star. Okr. II, Cl. III, § 29, стр. 580.

Жизнеописанія славныхъ духовными и мірскими подвигами мужей съ самаго начала этой эпохи были предметомъ трудовъ Словенскихъ монаховъ. Сербы въ этомъ родѣ имѣютъ образцовыя произведенія. Уже Несторъ описывалъ житія Бориса, Глеба и Θεодосія печерскаго, которыя вмѣстѣ съ его повѣстью о зачалѣ печерской обители внесены въ лѣтописи. Они вошли впоследствии въ составъ патерика печерскаго, основаніе которому положили Симонъ, епис. Суздаля. и монахъ Поликарпъ. Теперь доказано, что патерики существовали уже въ XIII стол. Сербы весьма богаты жизнеописаніями. Ихъ патерики начинаются въ XIV стол. Но примѣчательнѣйшими произведеніями въ Сербской исторической литературѣ суть творенія Саввы (1170 — 1237) и Дометіана (+1264). Савва сочинилъ жизнь своего отца Стефана. Дометіанъ оставилъ намъ жизнеописанія двухъ этихъ знаменитѣйшихъ Неманичей. Произведенія ихъ, говоритъ Шафарикъ, доказываютъ содержаніемъ и изложеніемъ большую ученость, вкусъ и оригинальность своихъ сочинителей. Сверхъ упомянутыхъ, еще извѣстны жизнеописанія Стефановъ и Душана Дечанскаго, царей Сербскихъ. Первое сочинено неизвѣстнымъ продолжателемъ Данилова Родослава, второе извѣстнымъ въ исторіи церкви Русской Григоріемъ Цамблакомъ.

Къ трудамъ историческимъ принадлежатъ переводы Греческихъ лѣтописцевъ. Судя по языку — они сдѣланы въ

Булгаріи. Четыре Греч. лѣтоп. переведены въ этой эпохѣ. Лѣтопись патриарха Никифора извѣстна въ переводѣ уже съ 1274 года, Георга Гамартола съ 1388, Манассія, гдѣ включены любопытныя извѣстія о южныхъ Словенахъ съ 1348 г., наконецъ лѣтопись Зоноры съ 1409. — Всеобщую исторію замѣняли у Слов. в. исп. *палеи и хронографы* — судя по языку, перевода Булгарскаго. Палея или книга *бытійская* т. е. *книга бытій небеси и земли* есть родъ всемірной исторіи, содержаніе которой еще неизслѣдовано учеными. Древнѣйшій памятникъ палей принадлежитъ къ XIV стол. (1370). Изъ двухъ извѣстныхъ намъ родовъ хронографовъ, первый неизвѣстно кѣмъ сочиненный, но приписываемый обыкновенно Исидору Гиспаденскому, — переведенъ въ концѣ этой эпохи (1406). Этотъ хронографъ заключаетъ исторію Іудеевъ, западной и восточной имперіи и любопытныя извѣстія о южныхъ Словенахъ.

О палейхъ см. Калайд. I. Э. Болг. стр. 216. О хронографахъ Строева въ трудахъ общ. истор. и древ. 1828, часть IV, книга I. стр. 16 и ж. м. просвѣщенія, 1839 г. ноября. Отч. арх. ком.

Историческую литературу заключаютъ путешествія. Святые мѣста и Константинополь были ихъ предметомъ. Самое древнѣйшее есть памятникъ Даниила XII, заключающій любопытныя извѣстія о Іерусалимѣ въ эпоху господства Балдуина. Два прочія путешествія принадлежатъ къ XIV стол. и заключаютъ первое, хожденіе Пименово въ Царьградъ,

любопытно описаніемъ коронаціи Греческихъ царей, и второе, безъискусственный дорожникъ, хожденіе въ Іерусалимъ.

Памятники: Даниіловъ паломникъ изданъ Сахаровымъ въ путешествіи Русс. людей, 1837 г. С. Петербур. Срв. Карамзина т. II, примѣч. 211. Хожденіе Пименово, — въ Царьградъ и хожденіе въ Іерусалимъ напечатаны въ древнемъ лѣтоп. С. Петербг. 1775, стр. 119 — 144 и 144 — 153.

Словене западнаго исповѣданія. Въмѣстѣ съ господствомъ чуждаго языка въ лѣтописи Чешскія и Польскія вселился духъ подражанія древнимъ Римскимъ историкамъ. Еще умѣренное въ правдивомъ и добросовѣстномъ Космасѣ, оно блеститъ краснорѣчіемъ, заимствованнымъ у Саллюстія, у Мартина Галла, и достигаетъ наконецъ съ помощію Юстина невѣроятнаго превращенія событій всѣхъ временъ въ событія Польскія, у Матвея герба Холева. Космасъ и Матвей герба Холева подверглись той же участи, что и лѣтописцы Слов. вост. исп. Они имѣли продолжателей, испещрившихъ текстъ ихъ лѣтописей своими вставками. Лѣтописцы, писавшіе по Латыни принадлежатъ только косвенно къ Словенской литературѣ. Они поясняютъ характеръ образованія этой эпохи, но не составляютъ существенной принадлежности литер. слов. Съ началомъ XIV стол. замѣтное состязаніе съ Нѣмцами и сознание чувство народности побудили Чеховъ, не вытѣсняя Латыни, пытаться писать исторію по-чешски.

Такъ называемый Далимилъ, вѣроятно, рыцарскаго происхожденія, написалъ хронику Чешскую около 1314 год.

Ревность къ своему народу, говорить оны, побудила его къ повѣствованію о событіяхъ древнихъ и современныхъ своего отечества. — Онъ первый изъ Чешскихъ лѣтописцевъ сталъ рассказывать со всею подробностію народныя преданія и увлекъ толпу послѣдователей. Начавъ съ вавилонскаго столпотворенія, этотъ лѣтописецъ выводитъ Словенъ отъ Сербовъ, повѣствуетъ о множествѣ невѣроятныхъ событій, почерпнутыхъ въ искаженныхъ преданіяхъ, придаетъ заимствованнымъ у Космаса и другихъ лѣтописцевъ сказаніямъ слишкомъ рѣзкій тонъ ненависти къ Нѣмцамъ, приближаясь однакожь къ своему времени, памятному пресѣченіемъ дома Пшемьслидовъ пріобрѣтаетъ болѣе достовѣрности, дѣлается самымъ подлиннымъ историческимъ источникомъ.

Palacky *ibid.* стр. 106 — 119. Со временъ Далимила замѣтно возрастаетъ страсть къ баснословію у Чешскихъ историковъ. Явно пренебреженныя и слегка указанныя саги у Космаса, превращаются у Далимила въ достовѣрныя сказанія, получаютъ у его послѣдователей болѣе объема и рассказываются безъ всякаго сомнѣнія въ ихъ дѣйствительности. Замѣчательнѣйшія саги Чеховъ, носящія всѣ признаки обобщенныхъ въ народной поэзіи историческихъ событій — слѣдующія: сказанія о Крокѣ и его дочеряхъ, Казѣ, теткѣ ея Любушѣ, о Любушѣ и Пшемьслѣ, о Властѣ и возстаніи Чешскихъ дѣвъ, о враждахъ удѣльныхъ князей Чехіи до временъ Борживоя. Шафарикъ *Slov. star. Okr. II. Cl. VIII § 39*, стр. 771 — 773.

Послѣ Далимила Чешскую полную лѣтопись писалъ Пшибикъ Пулково (+374). Его хроника, писанная сперва по

Латыни и переведенная имъ уже на Чешскій языкъ принадлежить къ важнѣйшимъ источникамъ исторіи Чеховъ. — Обращая вниманіе на дѣянія королей, онъ представляет со многими прибавленіями повѣствуемое Космасомъ и Далимиломъ и заключаетъ подробное и документальное изложеніе учрежденій королей Чешскихъ. Форма ея сдѣлалась образцомъ для будущихъ лѣтописцевъ. Жизнь Карла IV по-чешски съ описаніемъ обряда коронованія заключаетъ рядъ Чешскихъ памятниковъ, относящихся прямо къ исторіи народа.

Въ этой эпохѣ у Чеховъ уже занимались всеобщей исторіей. *Магистръ Лаврентій изъ Бржезова* написалъ въ XIV столѣтіи исторію отъ сотворенія міра до VII стол. по Р. Хр. *Бенемъ изъ Гожовичъ* составилъ (XIV стол.) Римскую исторію называемую *Martimiani*, слѣдуя преимущественно Страсбургской хроникѣ Якова Ф. Кениггофенъ. Наконецъ, описанія путешествій были также предметомъ ученой дѣятельной по-чешски пишущихъ Чеховъ. Упомянутый Лаврентій изъ Бржезова перевелъ путешествіе Мандевила.

Поляки: въ этой эпохѣ не могли преодолѣть тягостнаго преобладанія Латыни надъ роднымъ языкомъ. Лѣтописцы ихъ съ XII столѣтія до конца сей эпохи служатъ доказательствомъ того синкретизма, который произвело столкновеніе вышшняго просвѣщенія съ народностію Словенскою. Ихъ недостатокъ не состоитъ въ одномъ испорченномъ Латинскомъ языкѣ, нѣтъ, но еще въ смѣшеніи происшествій своего народа съ чужими. Не только древнѣйшія дѣянія Леховъ, го-

ворить Шафарикъ, но и событія современныя христіанству, озаренныя у прочихъ Словенъ свѣтомъ исторіи, у Польскихъ лѣтописцевъ совершенно искажены непонятнымъ примѣненіемъ древней исторіи къ своей собственной. Разказы Юстина обыкновенно дополняютъ то, что казалось недостаточнымъ въ собственной исторіи. Продолжатели и переписчики исказили и то, что, носило знакъ достовѣрности. Повѣствуя однакожь о современныхъ происшествіяхъ, Польскія лѣтописи заслуживаютъ полную довѣренность. Не останавливаясь на Латинскихъ лѣтописцахъ, какъ на Мартинѣ Галлѣ XII стол., отвергавшемъ древнѣйшія сказанія, помраченныя, по его словамъ, язычествомъ и повѣствующемъ преимуществу о Болеславѣ III, на Матвеѣ герба Холева и его продолжателѣ Кадлубкѣ, преисполненныхъ почти непроницаемыхъ критикой баснословій, на Башконѣ (XII), Державѣ (XIII), Янѣ (XIII), Янкѣ (XIV стол.) и множествѣ другихъ краткихъ и безыменныхъ лѣтописцахъ — я упомяну только о хроникѣ Польской XIV стол. Эта лѣтопись, доведенная до 1389, будетъ, если издастся, единственнымъ памятникомъ литературы Польской въ области исторіи.

Саги Матвея герба Холева, представляющія чудную смѣсь исторіи Юстина съ народными преданіями, ученый критикъ его хроники (Лелевель) раздѣляетъ на три отдѣла: на саги поморскія, въ которыхъ надобно подразумѣвать подъ чуждыми названіями войны съ Норманнами; саги Хорватскія, къ которымъ относятся повѣсти о войнахъ Галловъ, Римлянъ съ Александромъ в., о Кракѣ и Вандѣ, и наконецъ, саги Лешскія или чисто Польскія, куда

относятся преданія о Лехѣ, Попелѣ и Пястѣ. См. Лелевель, Матвей герба Холева, въ переводѣ Лонде, 1821 года.

Поэзія. Освобождаясь отъ непосредственности своей, переставая изображать отношенія къ природѣ и темныя быліны народовъ, поэзія сей эпохи знаменуется признаками, необходимо истекавшими изъ сознанія виѣшнихъ и внутреннихъ отношеній, которыми опредѣлялось развитіе Словенскихъ народовъ. Напечатлѣнная христіанисмомъ, она была отраженіемъ нравственныхъ потребностей, развиваемыхъ въ противорѣчіяхъ общественной ихъ жизни. Обозрѣвая всѣ памятники поэзіи Словенъ, мы можемъ ихъ отнести къ двумъ главнымъ отдѣламъ; къ такому, въ которомъ выражены общія отношенія народовъ, и такому, гдѣ изображена внутренняя жизнь ихъ, направляемая извѣстными понятіями въ примиреніи или противорѣчій съ ними. Однимъ словомъ, будемъ разсматривать *быль* и *быть* Словенъ. Естественно, въ эту эпоху еще немогли развиваться въ явственныхъ формахъ своихъ всѣ роды поэзіи. Находимые въ Чешской и Польской поэзіи слѣды драмы, такъ еще мало отвѣтствуютъ требованіямъ, не только драмы, но и мистерій, что ихъ скорѣе можно подвести, какъ діалоги, къ дидактическому, самому обширному въ этой эпохѣ роду стихотворства. Если и были зрѣлица какія либо, о коихъ упоминаетъ Вишневскій въ исторіи литературы Польск. т. I, 403, то неизвѣстно, были ли они дѣйствительно театральными представленіями, въ чемъ можно сомнѣваться, или же, если позволено мнѣ бу-

детъ употребить выраженіе Кирилла Русскаго митрополита, только *позоры* (Рус. достоп. 1815, 114 с.) т. е. каррикатурныя фарсы по поводу празднествъ, на которыя жалуются сей пастырь. Не спорю, зачатки всѣхъ ея родовъ находятся въ поэзіи народа, многія хороходныя пѣсни сопровождаются мимическимъ представленіемъ, но доискиваться въ мало развитой общественности драмы, кажется было бы не умѣстно. Разсматривая отношенія Словенъ, укажемъ на памятники, въ которыхъ отразились *быль* и *быть* ихъ исторической жизни.

Поэзія выражающая противоположность христіанства и востока. Проникнутые идеей христіанисма, Словене поставили себя въ рѣшительную противоположность къ востоку, омраченному язычествомъ и исламисмомъ. Созерцаніе этой неравной борьбы, въ продолженіи которой Словене, упавая и торжествуя, остались вѣрными призванію своему — охранять жизнь Европейскую отъ враждебнаго ея развитію востока, отразилось въ двухъ превосходнѣйшихъ былевыхъ думахъ, Русской и Чешской. Какъ бы въ доказательство высокаго значенія Словенъ въ мірѣ развитія, исторія литер. не можетъ указать на достойнѣйшіе памятники ни въ какой другой сферѣ. Только по отношенію къ востоку родное сознаніе Словенъ проникалось энергіей, спасшей ихъ и въ самомъ политическомъ униженіи отъ совершеннаго ничтожества. Міросозерцаніе Словенъ, призванныхъ болѣе, чѣмъ какой либо другой народъ, на тягостное и продолжительное бореніе съ неподвижностію ма⁴⁸ты, выразилось въ самыхъ

возвышенныхъ, преисполненныхъ поэзіи рапсодіяхъ, доказывающихъ одно призваніе Словенъ, равное значеніе всего рода въ человѣчествѣ. Я понимаю здѣсь слово о полку Игоревѣ, внушенное борьбою Русскихъ съ Половцами и превосходную Чешскую думу — Ярославъ (Краледворская ркп. изд. 1829, стр. 118), изображающую борьбу Словенъ съ Татарами. Первая, прославляя князей Русскихъ, поборающихъ за Христьянъ на поганые пѣлмы (изд. Макс. стр. 48), преисполнена высокихъ поэтическихъ красотъ, проникнута глубиною чувства, потрясеннаго славою подвиговъ Всеслава, воспѣтаго Бояномъ и грустною мыслью, что *усобица князей на поганые гибнетъ, что князя начаша про малое великое молвити сами на себя крамолу ковати, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами* (ibid. 21). Когда Русь болѣе и болѣе ослабѣвала отъ удѣловъ и ее не поддерживали князья, напрасно вызываемые къ борьбѣ съ поганымъ за обиду того времени, за землю Русскую (ibid. 32), когда наконецъ грянули новые варвары, неотразимые князьями, храбрая мысль которыхъ высоко плавала на дѣло — въ *буести* (ibid. 32) мысль, подвинувшая ихъ безъ совѣта (bez uma, Kral. Rkp.) гоняться за поганымъ, съ такою спѣсью, какую силу имѣли (ibid. 132), когда наконецъ палъ старый Кіевъ и великій Новгородъ (такъ въ пѣсн. ibid. 122) и Русь омертвѣла и Христіане гибли и отъ духу Татарскаго не можно было крепеньмъ живымъ быть (Кирша Данил. изд. Калайд. 242—2 с.) и порабощеніе, попраніе свободы всѣмъ угрожало (Potlaeiti chtieehu dusu nasu) тогда въ народѣ Чешскомъ раздался кликъ свободы, завѣтный зовъ надежды, заставляв-

шій искать утѣшенія въ судьбахъ Всевышняго, не въ рабствѣ свирѣпныхъ Татаръ (Ot Boha na milost zdati chwalno, ne w porobe od swerepych tatar). Подъ Оломунцомъ (Ольмицъ) христіане сразились съ Татарами, вызванными будтобы грабительствомъ Нѣмцевъ (ibid. 120). Долго не могли они преодолѣть тучами налетѣвшихъ Татаръ, — уже колебались между отчаянною мыслью предаться врагу и рѣшимостію пуститься въ бѣгство, и вотъ подоспѣлъ Ярославъ, предокъ Чешскаго рода Витковичей, нынѣ Штернберговъ, и христіане спасены. Онъ заставилъ поганыхъ бѣжать туда, *откуда красное солнце встаетъ* (ibid. 136).

Къ борьбѣ съ Татарами относилась еще Польская дума Jazdow и понынѣ воспѣваемая народомъ. Wojcicki Piesni ludu Bialochrobotow, Mazurów i t. d. Warszaw. т. I, стр. 84.

По отношенію къ востоку поэзія Словенъ обоихъ направленій напечатлѣна одними признаками. Выражая отношенія Словенъ къ двумъ даннымъ народамъ, *Византійцамъ* и *Германцамъ*, она возвращается въ отдѣльныя сферы, въ которыхъ сознаваема была идея христіанства. Между тѣмъ какъ Словене восточн. испов. ограничивались только заимствованіемъ у Грековъ религіозныхъ или, лучше, церковныхъ пѣснопѣній, Словене западн. испов., поставленные въ непосредственныя отношенія къ Германцамъ, дали поэзіи своей характеръ, двуличность котораго явствуется изъ самаго ихъ значенія въ сей эпохѣ. Соединенные съ Германцами главнымъ условіемъ, католицизмомъ, находясь въ непрерывной

взаимности съ ними по общимъ требованіямъ духа времени, увлекаясь даже примѣромъ своихъ владыкъ, предпочитавшихъ германизмъ скудной содержаніемъ Словенской народности, западные Словене, и преимущественно Чехи, созерцали жизнь свою въ такихъ же, если не такъ разнообразныхъ формахъ, какъ и Германцы. Рыцарскій духъ вмѣстѣ съ своими явленіями сообщился и Словенамъ. Замѣчательно, что владыки Словенскіе, какъ Вячеславъ и Пшемисль II, короли Чешскіе — Генрихъ IV, Силезскій герцогъ, включены въ число миннензенгеровъ. Польша не представляетъ никакихъ памятниковъ рыцарской поэзіи. Объ ней мы узнаемъ изъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ. Чехи напротивъ. Памятники рыцар. поэзіи Чеховъ начинаются съ 1250 и оканчиваются половиною XIV стол. Въ нихъ мы находимъ поэмы, содержаніе которыхъ взято: 1) изъ древней исторіи; 2) изъ цикла Артура и 3) наконецъ поэмы, прославляющія подвиги Чешскихъ героевъ, увлеченныхъ въ событія Германскими императорами.

Памятники Чешскіе:

- I. 1) Поэма Александръ в. стиховъ 2,460. См. Нанка, Starobyla skladania, 1818, стр. 151—264.
2) Исторія разоренія Трои пер. изъ Guido.
- II. 1) Тандаріамъ, Нанка, *ibid.* 1823 г. стр. 2—76.
2) Тристанъ изъ Готфрида Страссбургскаго.
- III. 1) Лѣтописцы уже въ XII стол. упоминаютъ о пѣсняхъ въ честь Чешскихъ героевъ, прославившихъ

ся при взятіи Милала; 2) къ циклу поэмъ о геройскихъ подвигахъ Чеховъ принадлежатъ: турниръ, превосходный отрывокъ Kral. Rukr. 1829, стр. 108—3) пѣснь о подвигахъ короля Іоанна, напеч. въ Ганковыхъ Starobyla skladania, 1823, стр. 241; и 4) подвиги Вильгельма Газенбергскаго, Плихты церотинскаго, сраженіе при Кресси.

Но на западныхъ Словенахъ тяготѣла и желѣзная рука рыцарской Германіи, слишкомъ насильно попиравшая ихъ самобытность, и потому въ ихъ поэзіи вмѣстѣ съ примиреніемъ въ общемъ направленіи духа времени отразилась и вражда, дышущая ненавистью къ насильникамъ. Такой характеръ носитъ Далимилъ, котораго хроника, сдѣлавшаяся народною книгою, вся состоитъ изъ выходовъ противъ Нѣмцевъ. Сюда можно отнести пѣснь Краледворской рукописи *Бенетъ Германовичъ* и стихотвор. о *Вильгельмъ Вальдекскомъ*.

Памятники: Benes Hermanow въ Краледв. ркп. изд. 1829 стр. 204. Смерть Вильгельма Вальдекскаго въ Starobyla skladania Ганки, 1823, стр. 243. Эта пѣснь рѣзко и почти преувеличенно характеризуетъ ненависть къ Нѣмцамъ. Вотъ мотивъ ея: ssel etny ran Wilenspritel ceskeho gazyka... genz tupil hlavy niemecke, na vse strany cechow branie... Cechowe ractez rozumeti, to za pravu pravda gmieti, lsiwne wam tenata wázi (Niemci) chowayte sie gich wam razi.

Отношеніе Словенъ, опредѣляемыхъ двумя противоположными направленіями не выразилось въ поэзіи. Отчужден-

ные исключаютими себя сферами, Словене восточн. испов. и западн. исп. еще не сознали вполне этой противоположности и не находили признаков для выражения ея. Это составляет главное отличие сей эпохи отъ послѣдующей, поэзія которой выразила борьбу католицизма съ православіемъ.

Скорѣе находимъ памятники поэзіи, выражающіе отношенія племенъ въ каждой сферѣ порознь. Борьба племенъ Чешскаго и Польскаго, имѣвшая основаніемъ древнюю распрю за власть надъ Бѣлохрватіей (малой Польшей) и за удѣлы, выразилась въ пѣсни *Ольдрихъ* и *Яроміръ*, прославляющій изгнаніе Поляковъ изъ Праги.

Ольдрихъ и Яроміръ Kgl. ркп. изд. 1829, стр. 152.

Бытъ. Поэзія, отразившая бытъ народовъ Словенскихъ — выражаетъ либо общій характеръ эпохи, либо нравственныя условія общественныхъ отношеній, либо наконецъ индивидуальное чувство. Общимъ характеромъ эпохи было сознание христіанства въ данныхъ сферахъ, посему религиозныя пѣснопѣнія, легенды, встрѣчаются всего чаще между памятниками сей эпохи. Восточные Словене заимствовали ихъ у Грековъ и ограничились преимущественно церковнымъ употребленіемъ. Одни Сербы внесли свои легенды въ народную поэзію. Превосходныя пѣсни сего рода, впечатлѣныя глубокою древностію и неподражаемою пластикою въ наивныхъ изображеніяхъ лицъ святыхъ, находятся въ собраніи пѣсней Вука Степановича.

См. Народне Српene пјееме 1824 г. 2. См. легенды. Сведи благо гіели, свети Никола, свети Сава и проч.

Словене западнаго исп., непосредственно вразумлявшіеся въ христіанствѣ, изъ живаго источника его, св. пис., гораздо богаче подобными памятниками. Чешская литература изобилуетъ легендами и духовными пѣснями, бывшими безсомнѣнія въ общемъ народномъ употребленіи. Эти памятники, какъ нынѣ доказано, переходили мало по малу и въ Польшу, покрайней мѣрѣ — нынѣ открытыя пѣсни Поляковъ XIII и XIV, сходятствуютъ языкомъ и содержаніемъ съ Чешскими.

Легенды и пѣсни Чеховъ многочисленны. Памятники ихъ появляются съ XIII и можетъ быть XII стол. См. легенды о св. Прокопѣ, Вячеславѣ, св. Магдалинѣ, пѣсни о семи радостяхъ Богоматери, грѣхопадении, объ успеніи Божіей матери, о страстяхъ Господнихъ — въ *Starobyła skladania* Ганки т. I. 1817 г. стр. 2 — 51, 107 — 113; т. II 1818 года стр. 1 — 49, 49 — 91, 91 — 116. Сюда отнесу кантату, гробъ Христовъ, въ 184 стихахъ. *Польскія пѣсни* о св. Войтехѣ (Адалбертъ) Богородицѣ, о страстяхъ Господнихъ, гимнъ Богородицѣ. См. Wisniewski hist. lit. Polskiej. 1840 г. т. I стр. 389 — 399. Maciejowski. Pamientniki do dz. pism. i praw. t. II стр. 350 — 375.

Общественныя отношенія выразились во первыхъ въ религиозно-дидактическихъ стихотвореніяхъ, — доказывавшихъ необходимость извѣстныхъ истинъ, какъ условія нравствен-

наго быта и въ стихотвореніяхъ, выражавшихъ тѣ противорѣчія, въ которыхъ находились лица и классы народовъ съ общими нравственными требованіями. Словене вост. исп., богатые дидактическою прозою, не имѣютъ дидактическихъ стихотвореній. Какъ замѣчательный памятникъ взгляда Русскаго на общественныя отношенія, можетъ служить посланіе Данила заточника къ Георгію Долгорукому.

См. Калайдовича памятники Русской словесности XII стол. стр. 223 — 248.

Словене западнаго исповѣданія. Пастыри, которые рѣдко обращались къ народу съ вразумительнымъ словомъ, вмѣсто поученій и словъ, богаты стихотвореніями въ дидактическомъ направленіи, при томъ, уразнообразивъ общественную жизнь свою воспріятіемъ чуждыхъ стихій выразили ее въ стихотвореніяхъ, отражающихъ мелкія отношенія въ противорѣчіяхъ чуждыхъ себѣ классовъ народа. Дидактико-религіозныя стихотворенія, сатиры, даже драматизированныя изображенія пороковъ и апологи, довольно многочисленны въ Чешской литературѣ.

Памятники: дидактическія стихотворенія Чешскія: 1) главнѣйшее, безспорно — стихотвореніе назыв. *Alanus*. См. Starob. skladania 1817 стр. 140, въ 1527 стихахъ. Оно представляетъ олицетворенными семь искусствъ: діалектику, реторику, арифметику, геометрію и проч., ведущихъ къ четыремъ главнымъ добродѣтелямъ, вѣрѣ, милосердію, состраданію и истинѣ. 2) Переводъ двустипій Канона изданъ въ

Славинѣ Добровскаго, изд. 2, 1834 г. стр. 419, 469. 3) Совѣтъ отца сыну Starob. skladania, 1817, стр. 52 — 107; 4) новый совѣтъ (nowa rada) Смиля Фляшки; 5) стихотв. о смерти, *ibid* 120 — 140. О супружествѣ, *ibid*. 1823 г. стр. 122 — 152. *Польскія* 1) объ исповѣди; 2) о десяти заповѣдяхъ, Масіејов. *Pamiętn. t. II*, стр. 363 — 369. *Сатиры* Чешскія. Онѣ обращены противъ ремесленниковъ, судей, сильныхъ, богатыхъ и святошъ. 1) Мاستичаржъ (*Masticar*) Starob. sklad. 1823 г., стр. 199 — 216. Это фрагментъ діалога между продавцомъ мазей и его ученикомъ. Въ нескромныхъ намекахъ на духовныхъ разговаривающихъ превозносятъ похвалами причудливо выдуманная лекарства на разные недуги, физическіе и духовные; 2) характеристическій разговоръ отрока (*Podkonie*) со студентомъ (*zak*); 3) сатиры на сапожниковъ, кузнецовъ, продавцовъ муки (солоду?), баньщиковъ, мясниковъ, булочниковъ: см. *Starobyła sklad*. Ганки, 1818 г., стр. 117 — 125, 129 — 144; 4) сатиры на спорщиковъ, на лакомокъ, 145 — 151, на судей, *ibid*. 125 — 129, и богатыхъ, Starob. sklad. 1817 г. стр. 113 — 128; 5) каррикатурное стихотвореніе, открытое въ 1827 г. Сюда принадлежитъ превосходная Чешская баснь: *лисица*, оригинальный памятникъ апологической сатиры Чеховъ, и переводъ апологовъ Кирилла де Квиденона.

У Поляковъ сохранилось замѣчательное стихотвореніе въ переводѣ Латинскомъ о бургомистрѣ Краковскомъ, Албертѣ, гдѣ достаточно изображены и вліяніе Нѣмцевъ и злоупотребленія сильныхъ: см. *Wiszniewski hist. lit. Polsk. t. I*. стр. 214.

Индивидуальная поэзія. Подъ этимъ названіемъ разумѣю поэзію сердца, поэзію стремившуюся выйти изъ условій, полагаемыхъ отношеніями, поставить въ замѣнъ тягостнаго за-

кона общественной необходимости, союзъ любви и мира. Пѣсней съ мирнымъ направленіемъ, напечатлѣнныхъ тоскою любви и грустныхъ чувствомъ лишенія, въ цѣлой Словянщинѣ было безъ сомнѣнія большое количество. Не одна пѣснь Русская, Польская, Чешская и проч. въ знакомыхъ намъ сборникахъ можетъ отнесена быть къ отдаленнѣйшей древности, но одни Чехи могутъ указать намъ на памятники этого рода поэзіи, сохранные для потомства въ древнихъ рукописяхъ. Превосходныя эротическія пѣсни *краведворской рукописи* и *старобылыхъ скляданъ* Ганки носятъ на себѣ типъ обще-словенскій. Непонятная грусть, смѣняемая на минуту неподдѣльною, наивною веселостію, возвышенность и простота чувства, естественность картинъ, загадочность и нерѣдко смѣлость сравненій, это характеръ Чешскихъ древнихъ пѣсней и всѣхъ Словенскихъ.

См. пѣсни 1) Вышеградъ Starob. Skl. Ганка, 1818, стр. 200—201; 2) Zbyhon Kr. Rkps. изд. 1829 стр. 144; 3) Ielen *ibid.* стр. 158; 4) пѣснь Вячеслава, короля Чешскаго *ibid.* стр. 206; 5) Пѣснь о любви, открытая въ 1827 г.

Вотъ почти всѣ памятники лит. Словенъ этой эпохи; они носятъ яркій характеръ сознаваемыхъ въ ней задачъ просвѣщенія. Просвѣщеніе это было исключительно религиозное, которое 1) по общему своему значенію поставило Словенъ въ противоположность съ востокомъ. По отношенію къ востоку, Словене, названные христіанствомъ, глубже сознавали свое значеніе въ человѣчествѣ и потому поэзія,

какъ выраженіе ихъ міросозерцанія, только въ этомъ отношеніи, получаетъ самый возвышенный характеръ; 2) развиваясь въ двухъ религиозныхъ сферахъ, оно состояло въ постепенномъ сознаніи задачъ каждой изъ нихъ въ данныхъ отношеніяхъ; 3) у восточныхъ Словенъ, оно было развитіемъ сознанія въ сферѣ православія, подъ вліяніемъ — непосредственнымъ однакожъ — Византіи, равно обнаружившейся какъ въ догматической прозѣ, такъ и въ исторіи и въ церковномъ пѣснопѣніи; 4) у западныхъ Словенъ оно состояло въ безусловномъ подчиненіи себя всѣмъ требованіямъ католицизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и германисма, вторгавшагося въ нѣдра народовъ. Вишнія условія католицизма и жизни католическихъ народовъ — были наконецъ мало по малу сознаваемы и выражались въ соответственныхъ сему памятникахъ; 5) отличительнымъ признакомъ просвѣщенія Словенъ восточнаго исп. было непосредственное знакомство съ источникомъ вѣры, св. писаніемъ и влѣдствіе сего свободное развитіе литерат. остановленное бѣдствіями постигшими ихъ общественную жизнь. Развиваясь свободно, литература обогатилась замѣчательными памятниками въ области прозы. Краснорѣчіе и бытописаніе, отличающіяся — первое силою слова, второе своею правдивостію, были богатыми плодами пожатыми на нивѣ свободно возрастающей литературы. Съ упадкомъ едва возникавшей общественности, развитіе литературы остановилось, не переставая знаменоваться признаками, проистекавшими изъ сознаваемыхъ въ данныхъ отношеніяхъ задачъ просвѣщенія; 6) отличительный признакъ просвѣщенія Словенъ западн. исповѣданія въ первой половинѣ этой эпохи

есть почти совершенная скудость народных намятниковъ, происшедшая отъ продолжительнаго подавленія сознанія чуждымъ вліяніемъ и усиленная дѣятельность Чеховъ, во второй половинѣ эпохи, во всѣхъ областяхъ литературы, дѣятельность, сообщившаяся Полякамъ и приуготовившая первыхъ къ важнымъ подвигамъ на поприщѣ исторіи и литературы въ слѣдующей эпохѣ.

9.9379
И-78835

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМ. МЕЧНИКОВА